

9

БЕРНШТЕЙН

**КАРЛ МАРКС
И
РУССКИЕ
РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРОЛЕТАРИЙ“**

06
7316-10
ЭД. БЕРНШТЕЙН

3
Б-57K

29.059

КАРЛ МАРКС

И РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО.

Львів. Библиотека
АН. УРСР

~~11.150~~ РЕДАКЦИЯ, ПРЕДИСЛОВИЕ
И КОММЕНТАРИИ

М. РАВИЧ-ЧЕРКАССКОГО

~~8.755-М.А.~~

Львів. Библиотека
АН. УРСР

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИИ“

1923

Львівська бібліотека
АН УРСР

Львівська бібліотека
АН УРСР
№ 00000

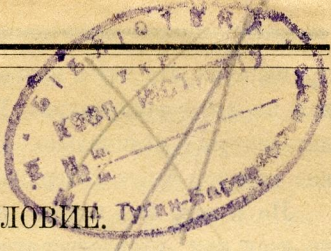
57.616

Р. У. П. 20/ш—23 г. 10000 экз.

Харьковск. Шк. Печатн. Дела им. т. Багинского. № 243-

✓ 6.639

Львівська державна
наукова бібліотека
№ 6589 0000

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Русская литература по вопросу об отношениях учителей социализма—Маркса и Энгельса—к России, к ее революционно-освободительному движению и его виднейшим представителям чрезвычайно бедна. Если не считать многочисленных работ, появившихся за последнее время о Бакунине (Стеклова, Карелина, Полонского), где, как и в старых работах о нем же (Горева, Корнилова, Неттлау), авторы стараются защитить его от нападков, направленных против него Марксом и его друзьями, то придется сказать, что работа Н. Рязанова „Карл Маркс и русские люди сороковых годов“ является единственной, освещающей этот удивительно любопытный и полный глубочайшего исторического смысла вопрос. Но книга Рязанова не только единственная, но и прекрасная, благодаря редкому и близкому знакомству автора ее с архивными материалами, оставшимися после смерти Маркса. Вторую работу, которая вскрывает взгляды Маркса на прошлое и будущее России, написал тот-же Н. Рязанов. Она носит скромное название: „Англо-русские отношения в оценке К. Маркса“, но содержание ее выходит далеко за пределы ее скромного названия. Если мы еще назовем брошюру „Марксизм и славянство“, принадлежащую перу нашего уважаемого Виктора Чернова, в которой этот „социалист“ и „революционер“ с усердием, как выражались старые журналисты, достойным лучшим

применения, старается набросить тень не более не менее^е как на интернационализм Карла Маркса, то этим список литературы, специально посвященной интересующему нас вопросу будет совершенно исчерпан.

Но и эта, как видим, немногочисленная литература не дает нам удовлетворительного ответа на вопрос, не разрешает нам исторической загадки. Как совместить те дружеские чувства, которые питал Маркс к Герману Лопатину, и то высокое уважение к „великому русскому ученому и критику“ Николаю Гавриловичу Чернышевскому с непрерывными нападками не только на Россию, но и на все русское. Слишком легкомысленно объяснить это тем, что Маркс был когда-то введен в заблуждение каким-то чуть-ли не полумифическим помещиком, клявшимся Марксу в верности его идеям и выразившим готовность пропагандировать их в России, но забывшим об этом, как только приехал в свое поместье.

В одном письме Маркс, ненавидевший одного эмигранта из русских аристократов—Герцена, рекомендует Энгельсу понаблюдать в Лондоне за издававшимся им „Колоколом“. В вопросе о польском восстании этот русский „аристократ“, играющий в радикализм и революцию, должен доказать „свою революционную честность, хотя бы постольку, *поскольку это совместимо со славянскими склонностями*“. В этом письме, как и в десятке других, мы видим, что Маркс и его соратник Энгельс очень невысокого мнения о добропорядочности и честности славян и русских—прежде всего.

Известно, что Маркс вел самую ожесточенную борьбу против славянина Бакунина в Интернационале всеми дозволенными и недозволенными мерами.

Известно также, что у Маркса и Энгельса была в ранний период их совместной работы в „Новой Рейнской Газете“ почти законченная теория о революционных и контр-революционных народах. К последним Маркс и Энгельс относили славян. Для Маркса и Энгельса не могло быть другого отношения к славянству, как только „борьба неумолимая, борьба на жизнь и на смерть“.

Россия в этот период казалась творцу социализма огромной дикой страной, которая угрозой стояла против „прогрессивной“ Германии. Малейшее столкновение с Россией в случае ее победы могло привести к тому, что Европа, и в первую очередь Германия, может „оказаться“ Официальная царская Россия всегда смотрела на себя, как на покровительницу славянских народностей, и Маркс механически переносит свою ненависть на все славянские народы.

Экономическая отсталость России, ее патриархальный строй внушали Марксу и Энгельсу мысль о беспросветной реакции, идущей из России, угрожающей Европе. Политическая связь ее с славянскими народами, внедрившимися в срединную Европу и одновременный гнет, царивший над непокорной Польшей, вызывает у Маркса убеждение в упрямстве славянской расы, в ее непреодолимом национализме. В одном письме, написанном в 1859 году, Маркс пишет: „Богемские и кроатские панслависты работали прямо в интересах России, некоторые—преднамеренно, другие не сознавая этого; они предавали дело революции из-за призрака национальности, которую в лучшем случае ожидала бы судьба польской национальности под русским господством“. Подавление венгерской революции при помощи русского

оружия еще углубило ненависть к России и славянам, как к контр-революционным народностям.

Интересно письмо Бакунина на ту же тему. „Прав вполне Маркс—пишет Бакунин—относительно панславизма, который всегда был и будет скрытым деспотизмом. Русские цари всегда обещали славянским народам освобождение из-под чужеземного ига, чтобы подчинить их русскому деспотизму, и надо сознаться, что наши братья, славяне, своим односторонним национализмом много способствуют царской пропаганде“.

Таким образом мы видим, что и Бакунин, ведший отчаянную борьбу против Маркса, ненавидевший его и как немца, и как еврея, оправдывал до известной степени отрицательное отношение Маркса к славянам. Значит не все, что писали Маркс и Энгельс о России, о русских и о славянах так уже имеет целью исключительно инсинуацию и голую клевету.

С другой стороны, из писем Маркса можно видеть, что он далеко не всегда метал громы и молнии против Бакунина, как славянина и русского. Как раз в ранний период деятельности Маркса, как раз тогда, когда он был настроен, если так можно выразиться, в высшей степени антиславянски, именно в это время отношения между Марксом и Бакуниным носят более или менее дружественный характер. Отношения между ними обостряются, наоборот, как раз в тот период, когда центр тяжести внимания Маркса переносится с конфликтов межнациональных на конфликты межклассовые—период деятельности I-го Интернационала.

Литература о Марксе необычайно велика. Но до сих пор ни одна книга не дала портрета Маркса, как творческой

личности, как определенного, законченного характера. Читая отдельные разработанные с большей или меньшей добросовестностью труды, посвященные его жизни и деятельности, в том числе и прекрасное классическое исследование о Марксе Франца Меринга, составляешь себе представление о Марксе, как о мощной, титанической фигуре, полной внутренних противоречий, мечущейся в разрешении разных вопросов из стороны в сторону.

Это будет продолжаться до тех пор, пока не появится исчерпывающий *социально-психологический* анализ его богатейшей жизни.

До того времени все, что написано о Марксе, нужно рассматривать, как в большей или меньшей степени умело составленные материалы к большому труду о нем. Как материалы к нему, мы предлагаем и работу Эдуарда Бернштейна, уже однажды напечатанную в старых журналах, в несколько исправленном переводе. Как мы уже сказали в начале предисловия, по трактуемому вопросу литература чрезвычайно бедна, а с работой Эдуарда Бернштейна читающая публика совершенно незнакома. На нее ссылается несколько раз в своей работе о Бакувине Вячеслав Полонский.

Принимая во внимание то обстоятельство, что Эдуард Бернштейн был близким человеком Марксу и Энгельсу, что он был, вместе с Бебелем, редактором их переписки с друзьями, мы считаем, что предлагаемая работа Бернштейна внесет много еще неизвестного широкому кругу читателей.

М. Равич-Черкасский.

I. МАРКС и БАКУНИН.

„По какой то иронии судьбы русские, на которых я беспрерывно нападал в течение 25 лет не только по-немецки, но и по-французски и по-английски, всегда были моими доброжелателями“—пишет Карл Маркс 12 октября 1868 г. своему другу д-ру Л. Кугельману. Один петербургский книгоиздатель сообщил Марксу, что первый том его „Капитала“, вышедший всего за год перед тем в Германии, уже печатается в Петербурге в русском переводе, и просил его прислать свою фотографию для этого издания. Так как „Капитал“—как это можно видеть из писем Маркса к Кугельману—расходился даже в самой Германии до такой степени медленно, что в начале 1869 г. далеко еще не были покрыты даже расходы на печатание, то, конечно, нельзя было смотреть, как на пустую мелочь, на тот факт, что в России нашелся тотчас же издатель для такой тяжелой книги, представлявшей для этой страны почти только академический интерес. Ибо, если Германия обладала уже в 1868 году делавшей большие успехи крупной промышленностью и новейшим пролетариатом, в среде которого происходило уже оживленное и сильное движение, то в России не было еще и следа такого движения, а по части новейшей индустрии имелись лишь самые первые ее зачатки.

Тем знаменательнее поэтому, что Маркс говорит почти с пренебрежением о встреченном им в России почете. Он вспоминает, что еще в 1843 и 1844 годах проживавшие в Париже русские аристократы носили его на руках, и что его полемическая брошюра против Прудона, так же, как и его вышедшая в 1859 г. в

Берлине книга „К критике политической экономии“ нигде не имели лучшего сбыта, чем в России, а затем он продолжает:

„И вот первой чужеземной нацией, переведшей „Капитал“, оказывается опять-таки русская. Но этому не следует придавать слишком большого значения. Русская аристократическая молодежь воспитывается в немецких университетах и в Париже. Она жадно набрасывается всегда на самые крайние идеи, которые только дает запад. Это для них такие же умственные лакомства, как для многих французских аристократов 18-го века... „Это не для портных и не для сапожников,—говорил тогда Вольтер о своей собственной просветительной деятельности. Это все же ничуть не мешает тем же самым русским, поступив на государственную службу, становиться порядочными негодьями“.

Мы находим это место замечательным не ради некоторой доли правды, заключающейся в этих суждениях, которые мы почти склонны назвать банальными, а ради того, что Маркс, повидимому, и впоследствии остался при том же мнении. А между тем, чтобы находить вкус в тех сочинениях, о которых он говорит, требовалось, наверно быть чем-то большим, чем просто аристократическим любителем погони за крайностями. Конечно, тот или другой из „лакомок“ этого рода мог приобрести и перелистывать их только из любви к парадоксам. Но коль скоро теоретические труды Маркса находили широкий сбыт между русскими и притом в самой России, то это свидетельствовало о гораздо более сильном и серьезном умственном движении, чем временные юношеские увлечения небольшой кучки еще неперебесившихся молодых аристократов, и нам нет нужды излагать здесь как бы впервые то, как стояло в действительности это дело в России во второй половине шестидесятих годов минувшего века. Трудно допустить, чтобы Маркс не был осведомлен об этом в той или другой мере. Невозможно думать, чтобы от его внимания ускользнуло то

обстоятельство, что рядом с либерально-радикальным движением, литературным представителем которого был, его политический и личный противник Александр Герцен, появилось в России новое направление, наиболее выдающимся представителем которого был Чернышевский и которое соединяло политический пыл с серьезной критической научностью. К тому же даже и за пределами России было уже известно о демократическом, народническом движении среди русской учащейся молодежи и о тех преследованиях, которые были организованы против нее правительством по поводу покушения Караказова. В одном из писем Бакунина к Марксу, ставшем известным впервые только шесть лет тому назад *); и помеченным из Женевы 22 декабря 1868 г. т. е. писанном всего через два с половиной месяца позже вышеприведенного письма Маркса, стоит в самом начале.

„Серно сообщил мне ту часть твоего письма, которая касалась меня. Ты спрашиваешь его, продолжаю ли я быть твоим другом. Да, и даже более, чем когда-нибудь, дорогой Маркс“..

Серно, о котором идет тут речь, был никто иной, как Александр Серно-Соловьевич ¹⁾, ученик Чернышевского и страстный противник Александра Герцена, — т. е. никто иной, как автор появившегося в 1867 г. в Женеве памфлета „Наши домашние дела“, в котором, рядом с пылкими, личными выходками против Герцена, противопоставлялся в самой резкой форме его сентиментальному радикализму чисто реалистический радикализм Чернышевского. Уже один тот факт, что корреспондентом Маркса был именно Серно-Соловьевич, вполне достаточен, чтобы подтвердить самым неопровержимым образом наше заключение, что Маркс был достаточно осведомлен касательно происходившего в России умственного брожения.

*) Эта статья написана Бернштейном в 1907-08 г.

Конечно, участники этого брожения составляли лишь очень тонкий слой русского населения, и предостерегать против „переоценки“ политического значения идеологию этого общественного слоя значило бы высказать избитую общую истину. Но замечание Маркса совсем не имело этого смысла. Его пренебрежительный тон относится к лицам, а не к степени их влияния на страну. Это замечание, так же как и следующие за ним фразы, свидетельствуют о глубоком недоверии Маркса к внутренней ценности тех русских, которые расхватывают его сочинения,—о недоверии, для объяснения которого недостаточно воспоминания о той неустанной войне, которую он вел против официальной России. Ибо, если Маркс и принимал иной раз за пособников своего врага таких людей, которые вовсе не были ими на самом деле, то его столь понятная в этом пункте страстность, все же не ослепляла его до такой степени, чтобы в силу только этого видеть во всех русских или настоящих или будущих холопов.

Итак, откуда же это великое недоверие?

До некоторой степени причина его несомненно скрывалась в житейских испытаниях и наблюдениях Маркса по этой части. Так, напр., мы знаем из воспоминаний Анненкова,²⁾ что в 1847 году он был представлен Марксу одним знакомым ему степным помещиком, который поддерживал тогда тесные сношения с Марксом и выдавал себя за горячего приверженца его учений, но вернувшись впоследствии в свои поместья, скоро позабыл об этом и, не мучимый, повидимому, излишней склонностью к самостоятельному, последовательному мышлению, предался без удержу всем житейским наслаждениям, доставляемым обыкновенно крупными доходами. Сам Анненков пишет, что подобные случаи и породили, вероятно, у Маркса и других склонность принимать всякого являющегося к ним русского или за шпиона, или за мошенника, и нет ничего невероятного, что, когда Маркс писал Кугельману вышеприведенные

слова, то на деле он вспоминал в особенности этого самого степного помещика, тем более, что по началу он произвел на него самое подкупающее впечатление.

Однако, всего этого, по моему мнению, еще недостаточно для объяснения пренебрежительного тона Маркса в данном случае. Остывание бывших приверженцев и отступничество встречаются во всех классах и во всех странах. А поэтому мне кажется, что неуважительный отзыв Маркса о русском спросе на его сочинения должен быть отнесен, по крайней мере, хоть отчасти, к его сильной, личной антипатии по отношению к двум людям, представлявшим тогда в Европе и для Европы оба крыла русского радикального оппозиционного движения,—т. е. к либералу Александру Герцену, которого он ядовито называл „полу-русским и вполне московитом“, и к вполне русскому и вполне революционеру—Михаилу Бакунину.

Повидимому, в то время, когда Маркс писал вышеупомянутое письмо к Кугельману, он не имел еще никаких сношений с русскими социалистами сколько-нибудь выдающегося значения. В генеральном совете Интернационала Польша имела своего представителя, но Россия—нет. Серно-Соловьевич переписывался с Марксом не как представитель какого-нибудь русского союза, а как член одной из женеvских секций Интернационала. Только позднее Маркс имел в Женеве своего доверенного человека из русских. Этим человеком был Николай Утин³⁾, который после временного пребывания в Англии в 1867 и 1868 г.г. переехал во французскую Швейцарию, где некоторое время находился в близких отношениях с Серно-Соловьевичем, а также и с Бакуниным, но потом, после Базельского конгресса Интернационала (сентябрь 1869), отделился от Бакунина и, в союзе с некоторыми из проживавших в Женеве русских, основал там русскую секцию Интернационала, представительство которой в генеральном совете было поручено Марксу. Был ли Утин лично знаком с Марксом еще в Англии,—этого я не знаю. Но во всяком случае знакомство это могло

быть лишь самым поверхностным, так как Утин стоял тогда очень близко к кружку Герцена и Бакунина. И только после того, как он поссорился с Бакуниным, эта общая вражда к одному и тому же человеку повела к более тесному сближению Утина с Марксом, для которого он в 1872 и 1873 году обработал, в по возможности резком и неблагоприятном для Бакунина виде, тот материал о Бакунине и Нечаеве⁴⁾, который нашел себе потом приложение в известной обвинительной записке против Бакунина, под заглавием „Заговор против Интернационала“.

Борьба Маркса с Бакуниным столько уже раз излагалась и обсуждалась в России, что со стороны немца может показаться несколько дерзким выступить перед русскими еще раз с подробным изложением этого дела. Однако, борьба эта имеет такое существенное значение для характеристики отношений Маркса к русским социалистам-революционерам, и она так долго влияла задним числом на эти отношения, что мы не можем отделаться от нее здесь какой-нибудь парой фраз. Итак, да будет позволено мне еще раз повторить эту историю в ее главнейших чертах.

Многие писатели, как например, Бенуа Малон—сводили вражду между Марксом и Бакуниным исключительно на почве личной предубежденности друг против друга. Это, несомненно, неверно. Она была обусловлена в высокой степени различиями в направлении мышления обоих знаменитых социалистов. Но столь же неверно было бы искать причину этой вражды исключительно в области идеологии.. Всякий, кто беспристрастно изучит относящийся сюда материал, скорее будет приведен к тому заключению, что теоретические и деловые разногласия между Марксом и Бакуниным получили особое обострение вследствие примеси личных моментов, и что именно эти личные моменты завели их взаимные столкновения за те пределы, которые необходимо обуславливались различиями в их теоретических

взглядах. Еще ранее 1848 года Бакунин был уже не-симпатичен Марксу вследствие своего сентиментального радикализма, а также и по своему образу жизни, при чем в этом последнем отношении дело шло скорее об эстетико-культурной антипатии, чем о моральном осуждении, так как Маркс отнюдь не был таким моральным пуристом, за какого его нынче так часто выдают.

В ту эпоху, когда Маркс вырабатывал свою экономическую теорию истории он был особенно склонен придавать теоретическим спорам личную окраску, а потому тем более неизбежным было для него столкновение с Бакуниным,—другом спекулятивных социалистов, на которых он нападал тогда с таким одушевлением, а как думал Бакунин о Марксе в последние годы перед 1848-м, это показывает его переписка того времени, в особенности же его письма из Брюсселя.

Поэтому, нет ничего удивительного в том, что когда наступил 1848 год и Бакунин выступил на славянском конгрессе в Праге защитником прав австрийских славян против немцев, то редактируемая Марксом „Новая Рейнская Газета“ не только резко напала на это выступление, как на могущее послужить в пользу лишь царю, этому прирожденному врагу революции, но дошла даже до провозглашения Бакунина русским шпионом, ссылаясь, правда, на свидетельство Жорж Занд, которое она, однако, отвергла, вследствие чего газета должна была взять его назад. Ясно, что если кто-либо подхватывает столь тяжкое обвинение против лично известного ему человека и публикует его без предварительной проверки, то это указывает на предварительное, давнее нерасположение и неуважение к этому человеку.

Что касается первого пункта, т. е. тактического осуждения бакунинского выступления на Славянском конгрессе, то едва ли нужно доказывать теперь, что движение австрийских славян вредило тогда революционному движению в Германии, а с тем вместе и во всей Европе и что, при тогдашнем низком экономическом и

духовном уровне народных масс у этих славян, оно могло представляться восстанием некультурности против культуры, но что, с другой стороны, дело все-таки шло об угнетенных народностях, а поэтому оно не могло не быть близким сердцу русского демократа, захватывая его тем сильнее, чем более руководился он при этом своим чувством и темпераментом. В глазах Маркса, чехи, кроаты и пр. были народностями, осужденными историей на национальное умирание, и в той единой, нераздельной, велико-германской республике, к которой стремился тогда Маркс, чехи, действительно, все более и более оттеснялись бы на задний план не только вследствие своей численной слабости, но также и вследствие того, что в главной своей массе они состояли из крестьян и земледельческих рабочих и были представителями консервативной области с низкой формой хозяйства против города и прогрессивной индустрии.

Мы наталкиваемся здесь на очень характерную противоположность. Как с точки зрения еще сильно пропитанного централизмом революционера, какая приписывалась якобинству 1793 г., так и с точки зрения социалиста, видящего в индустрии и в ее пролетариате носителей общественного прогресса, Маркс был как бы заранее предопределен, был противником чешского, кроатского и т. п. движений, ибо национально-патриотические стремления имели в его глазах историческое оправдание лишь в тех случаях, когда они совпадали с великими задачами истории. Кроме того, его враждебность к австрийским славянам усиливалась еще очевидным кокетничанием их самых влиятельных вождей с Россией, повелитель которой открыто выставлял себя охранителем консервативного порядка в Европе, а в то время и действительно доказал это на деле. Но кто, как Бакунин, был космополитическим демократом, ставившим на первый план поддержку всех угнетенных против их угнетателей, и кто, в качестве состоящего в оппозиции русского, чувствовал живейшую антипатию к немцам, игравшим такую выдающуюся

роль в русской бюрократии, для того экономические и исторические соображения, определявшие осуждение Маркса, отступали на задний план или даже были прямо непонятными и казались просто какими-то фантазиями. К тому же против них можно было привести кое-какие небезосновательные возражения, а потому даже вполне добросовестный человек мог совершенно искренно оспаривать мнение, будто бы демократическое восстание славян, на каком настаивал Бакунин, непременно и необходимо должно было послужить на пользу царизму, как то утверждали Маркс и некоторые другие.

Мне хотелось бы заметить здесь мимоходом, что ничего не может быть ошибочнее мысли, будто бы отношение Маркса к чешскому вопросу зависело от его предубеждения против славян. Оно может быть связано скорее с другой его чертой, свойственной также другу и сотруднику Фридриху Энгельсу, а именно с их антипатией к мелким национальностям, претендующим на отдельное существование среди великих исторических народов,—совершенно независимо от того, принадлежали эти национальности к славянской, романской или германской расе. Несколько извлечений из статей, напечатанных в „Новой Рейнской Газете“, покажут нам это самым очевидным образом.

В передовой статье, помещенной 17 июня 1848 года, в связи с характеристикой военного разгона славянского конгресса и изгнания его из Праги, имевшего место 12 и 13 июня 1848 г., делается упрек немцам за то, что они не сумели энергическим ведением революции внушить доверие чешскому народу и привлечь его на сторону немецкой революции, но затем автор статьи продолжает:

„Но кого всего более приходится пожалеть, так это самых доблестных чехов. Победят ли они, или потерпят поражение, их национальная гибель во всяком случае неизбежна. Четырехсотлетнее угнетение их немцами, завершившееся ныне уличным боем на улицах Праги, толкнуло их в объятия русских. В великой борьбе между

11.150

востоком и западом Европы, долженствующей развиться в самом близком времени—быть может, всего через несколько недель—несчастное отношение чехов к немцам ставит их на сторону русских, т. е. на сторону деспотизма против революции. Но революция победит и чехи окажутся первыми жертвами угнетения с ее стороны“.

В январе 1849 г., в статье, посвященной восстанию венгров за свою независимость, разбирается, между прочим, вопрос о том, каким образом могло случиться, что в продолжение революции 1848 г. произошло полное распадение австрийских национальностей на две большие группы, из которых одна стала на сторону контр-революции, причем автор дает в самом хладнокровном тоне такое объяснение:

„Это распадение соответствует всей предыдущей истории этих племен. Это—начало решения вопроса о жизни и смерти для всех этих крупных и мелких народностей. Вся прежняя история Австрии обнаруживает этот факт, а 1848 г. только окончательно подтвердил его. Между всеми народами и народцами Австрии только три были носителями прогресса, принимавшими деятельное участие в истории и сохранившими свою жизнеспособность до настоящей минуты, это—немцы, венгры и поляки. И потому-то они теперь революционны. Миссия всех других крупных и мелких племен и народов заключается прежде всего в том, чтобы погибнуть в революционной мировой буре. И потому-то они теперь контр-революционны...“

„Нет такой страны в Европе, которая не обладала бы в том или другом уголке—обломками одной или нескольких народностей, представляющих остатки прежнего населения, затесненного и угнетенного тою народностью, которая стала потом носительницей исторического развития. Эти остатки племен, безжалостно растоптанных ходом истории—как выражается где-то Гегель—эти обломки прежних народов всегда становятся и остаются, вплоть до их полного угасания или денационализования,

Львівська державна наукова бібліотека
№ 5834

Львівська бібліотека
АН УРСР
№ 57615

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

Львівська Філія
Бібліотеки АН-УРСР

8.755/100

фанатическими приверженцами и слугами контр-революции, так как уже все их существование представляет вообще протест против великой исторической революции...”

В силу этого, в свое время в Шотландии горные кельты поддерживали Стюартов, во Франции — бретонцы стояли за Бурбонов, а в Испании баски сражались за Дон-Карлоса; подобную же историческую роль сыграли теперь австрийские славяне, за исключением поляков, а также румыны и саксонцы Трансильвании.

„В Австрию — если не считать Польшу и Италию — взяли на себя историческую инициативу в 1848 году немцы, как они брали ее в течение уже тысячи лет. Они представляют здесь революцию. Южные славяне, в продолжение тысячи лет, ведомые на буксире немцами и венграми, восстали теперь за возвращение своей национальной независимости только для того, чтобы подавить зараз этим путем немецко-венгерскую революцию. Они представляют собою контр-революцию. К ним пристали еще две, тоже давно уже пришедшие в упадок, национальности: румыны и саксонцы в Семигравии“.

И каким бы путем не пошли дела, „все эти маленькие тупо-упрямые национальности будут сброшены, устранены революцией с исторической дороги“.

14 и 15 февраля 1849 года появились в „Новой Рейнской Газете“ две довольно длинные полемические статьи, направленные против брошюры Бакунина „Воззвание к славянам от русского патриота“, вышедшей незадолго перед тем в Котене. „Бакунин наш друг, но это не удержит нас от критики его брошюры“ — говорится в начале первой из этих статей. И критика эта вышла довольно таки резкой. Ее руководящий мотив виден из следующего рассуждения:

„Тяжкий и мучительный опыт научил нас, что“ братство европейских народов“ достигается не посредством фраз и благочестивых пожеланий, а путем решительных революций и кровавой борьбы; что дело идет

тут не о братстве всех европейских народов под сенью одного республиканского знамени, но о союзе революционных народов против контр-революционеров,—о союзе, который осуществляется не на бумаге, а на поле битвы“... Это руководящее положение противопоставляется бакунинскому воззванию, возвращающемуся к прекрасному началу революции 1848 года, лозунгом которого было „освобождение всех народов безотносительно к историческим, географическим, коммерческим и стратегическим требованиям“. Уже в одной этой фразе мы находим снова все мечтательное одушевление первых месяцев после революции. О существующих действительных препятствиях такому всеобщему освобождению, о громадных различиях в ступенях цивилизации различных народов и об обусловленных ими столь же великих различиях в их политических нуждах и требованиях,—в ней нет и речи. Все это замещается одним словом: „Свобода“.

Но как мало говорят такие лозунги, как—„всеобщее братство народов“ или—„установление границ верховною волею самих народов, на основании их национального единства“,—может быть пояснено на примере покорения Техаса Соединенными Штатами. Мексика, которой принадлежал Техас,—такая же республика, как и Соединенные Штаты; и здесь, и там народ одинаково обладает верховною властью; почему же, несмотря на это, эти республики не „побратались“ и не „объединились в общую федерацию“. Благодаря мужеству своих добровольцев, Соединенные Штаты, исходя из „географических, коммерческих и исторических требований“, раздвинули к югу свои границы на несколько сот миль далее того, как они были проведены „природою“. Изложив это, автор статьи спрашивает:

„Что же Бакунин поставил в упрек американцам эту завоевательную войну, которая, без сомнения, нанесла тяжелый удар его теории, опирающейся на „справедливость и человечность“, но которая в то же время была ведена единственно и исключительно в интересах цивилизации.

Или, быть может, он считает несчастьем, что великолепная Калифорния была вырвана из рук ленивых мексиканцев, которые не умели с ней ничего поделать, что энергичные янки, путем быстрой разработки тамошних золотых россыпей умножают теперь средства обращения, что они вызвали в немногие годы на самом удобном месте Тихоокеанского побережья густое население и сосредоточивают там теперь обширную торговлю; что они создают там большие города, пароходные сообщения и закладывают железнодорожный путь от Нью-Йорка до Сан-Франциско; что они впервые открывают настоящим образом Тихий океан для европейской цивилизации, в третий раз на протяжении истории собираются дать мировой торговле новое направление. Быть может, „независимость“ некоторого числа испанских калифорнийцев и техасцев и потерпела от этого; быть может, „справедливость“ и другие моральные принципы и были нарушены там и сям при этом случае, но что значат эти нарушения против таких всемирно-исторических фактов“...

„Мы повторяем снова: за исключением поляков, русских и, самое большее,—турецких славян, ни один славянский народ не имеет будущего по той простой причине, что всем остальным славянским народам недостает самых первых исторических, географических, политических и экономических условий для самостоятельности и жизнеспособности“.

„Народы, которые никогда не имели собственной истории, которые с момента достижения ими первой, самой грубой ступени цивилизации, уже попадают под чужое господство, или даже насильственно возводятся на эту первую ступень цивилизации под давлением чужого ига,—такие народы не имеют никакой жизнеспособности и никогда не достигнут никакой самостоятельности“...

„Что сказали бы о немецкой демократической партии, если бы она открыла свою программу требованием

возвращения Германии Эльзаса и Лотарингии, а также во всех отношениях связанной с Францией Бельгии, под тем предлогом, что большинство населения там германского происхождения? Какие насмешки возбудили бы против себя немецкие демократы, если бы они вздумали основать пангерманский немецко - датско-шведско-англо-голландский союз для „освобождения всех стран, говорящих на германском наречии“.

К подобным утопическим затеям, действительно, свелись в Германии студенческие движения 1817 и 1830 годов, реакционный характер которых давно уже оценен исследователями. Но насколько ребячлив и реакционен был пангерманизм, настолько же ребячлив и реакционен и нынешний панславизм. Панславистское движение 1848 года повторяет все ребячества и мечтательные сумасбродства немецких „буршеншафтов“, вплоть до завершивших их разочарований и жалоб. Кто желает прочесть немецкую студенческую песню „Мы воздвигли величественное здание“ в славянской прозе, тот пусть возьмет книгу Бакунина. Но если Бакунин провозглашает всерьез беспощадную борьбу на жизнь и на смерть, пока славянство не выступит на мировой сцене свободным и великим, если революционный панславизм—там, где идет дело о „фантастических славянских национальностях“—отказывается совсем от революции, то в таком случае мы знаем, что нам нужно тут делать. В таком случае, „борьба неумолимая, борьба на жизнь и на смерть с изменяющим революции славянством, истребительная борьба и беспощадный терроризм,—не в интересах Германии, а в интересах революции“.

Чтобы мы не думали о тех воззрениях, которые выразились в этих выписках и пересказах и оценка которых не входит в задачу этой статьи, во всяком случае, мы должны признать, что разногласия в мнениях между Марксом и Бакуниным по такому великому современному вопросу должны были иметь такое огромное практическое значение, по сравнению с которым их

взаимные личные антипатии потеряли бы всякую важность и значение, если бы они не повели, как мы видели из вышеприведенного примера, к легковерному принятию одной стороной всевозможных политических подозрений против другой.

Это отношение Маркса к Бакунину не изменилось, повидимому, и за то время, пока последний пребывал политическим узником в России. В своей политической брошюре „Политическая теология Маццини“ Бакунин рассказывает, что когда он в 1862 г. впервые явился в Лондон после своего побега из Сибири, то Герцен и Маццини сообщили ему о клеветнических подозрениях распускавшихся там на его счет, в числе прочих и Марксом, вследствие чего он воздержался от посещения Маркса. Но когда он в 1864 году вторично приехал в Лондон, то, по его словам, Маркс сам пришел к нему и уверял его, что он никогда не высказывал про него таких подозрений и даже прямо называл их гнусными выдумками. Отпираться от сделанного когда-либо было совсем не в характере Маркса. Из этого, впрочем, вовсе не следует, что эти слухи были нахватаны просто с ветру. Биограф Бакунина—Нетлау, говоря о лондонском периоде его жизни, упоминает о „клеветах клики Уркварта, который стоял также близко к Марксу“. Поэтому дело было, по всей вероятности, так, что хотя Маркс и не повторял прямо подозрения Уркварта, но заявлял, что оно не совсем лишено всякого основания, что Маркс упрекал не одного человека в содействии интересам того или другого правительства, вовсе не желая выставить его вследствие этого продажным агентом этого правительства. Подобным же образом мы знаем, что и его примирение с Бакуниным также никогда не было решительным и безоговорочным.

Однако, что касается разговора между Марксом и Бакуниным, о котором рассказывает последний, то он несомненно имел место в действительности. Об этом мы имеем свидетельство самого Маркса. А именно, в

том окружном послании против Бакунина, помеченном — „конфиденциальное сообщение“, которое было разослано Марксом 28 марта 1870 г., через посредство Кугельмана, выдающимся представителем дружественного Марксу крыла немецкой социал-демократии, Маркс сам ссылается на этот разговор. Он рассказывает там, что вскоре после основания Интернационала он виделся в Лондоне с Бакуниным и принял его в члены ассоциации, причем Бакунин обещал ему трудиться по мере сил на ее пользу. Из этого следует во всяком случае, что в то время установился между ними род перемирия и, быть может, нам даже удастся выяснить когда-нибудь и то, кто сыграл в этом деле роль посредника. Но мир продолжался недолго. В этом окружном послании Маркс рассказывает далее, что Бакунин, уехавший вскоре после того в Италию, написал ему оттуда „восторженное“ письмо по поводу пересланного ему статута Интернационала и вступительной речи, но „ничего не сделал“ и даже перестал подавать о себе известие, пока он не вынырнул снова в Швейцарии, где он вместо Интернационала вступил в Лигу мира и свободы. Все это совершенно верно. Но если Бакунин в течение долгого времени не трудился прямо для Интернационала, то косвенно он все же работал для него, т. е. по существу дела действовал всегда в его смысле. А большее едва ли было возможно. Все радикальные элементы среди буржуазной молодежи и рабочего сословия Италии в половине 60-х годов 19-го века льнули к Гарибальди и Маццини; а потому первый шаг к подготовке почвы для Интернационала в Италии должен был состоять в привлечении на свою сторону и сплочении некоторого ядра из противников учений Маццини. И, как известно, Бакунин — несмотря на свою симпатию к Маццини, как к человеку — во время этого пребывания своего в Италии и посвятил себя именно этой задаче. Он основал там революционное братство, или тайный союз революционеров социалистического направления; а теперь установлено также, что первая

секция Интернационала, возникшая в 1867 г. в Неаполе, обязана своим возникновением его же агитации. И когда он после того отправился в 1867 г. на конгресс Лиги мира и свободы, вербовавшей своих приверженцев по преимуществу из радикальных идеологов буржуазии, то это обстоятельство не могло быть поставлено ему в упрек, даже с радикально-социалистической точки зрения, так как и другие социалисты участвовали в этой Лиге, представлявшей свободное поле для пропаганды, и так как между этой Лигой и Международной ассоциацией рабочих тянулось еще в то время много других соединительных нитей. Так, Лозанский конгресс Интернационала (начало сентября 1867 г.) в одной из своих резолюций выразил свою полную симпатию конгрессу Лиги мира и свободы, собравшемуся неделю позже в Женеве, и в прибавлении к этой резолюции заявил даже о своем согласии примкнуть к этому конгрессу в том случае, если он выскажется за реформу общества в смысле более справедливого распределения продуктов труда; и когда эта резолюция была представлена конгрессу Лиги, то доставившая ее депутация, равно, как и самая резолюция, были приветствованы большинством участников конгресса самыми живейшими знаками одобрения.

Это был тот бурно протекавший конгресс, на который явился Гарибальди с своим планом похода для завоевания папской области в кармане и с заявлением, что папство отжило свой век и что часы его уже сочтены. На этом же конгрессе выступил также один из друзей Маркса, несколько эксцентричный немецкий социалист Сигизмунд Л. Боркгейм, и держал перед ним, по соглашению с Марксом, хотя и не совсем в том виде, как Маркс того желал, свою речь, в которой он развернул перед кроткими мечтателями о всеобщем мире, верившими в достижение и укрепление его путем резолюций и трактатов, картину тех реальных сил, которые всегда будут снова и снова приводить к войнам, пока не будет искоренен старый политический и социальный порядок, заявив в заключение,

что первым шагом для обеспечения мира Европы должна быть война против России. Боркгейму не удалось довести своей речи до конца: всевозможные резкие выходки, которыми он приправлял эту речь, вызвали шумные протесты и под конец слово было у него отнято. Вскоре после него выступил Бакунин с своей известной программной речью, в которой он нападал на царскую Россию, пожалуй, еще резче, чем Боркгейм, и заявил, что невозможно одновременно желать величия существующей России и проклинать палачей Польши, прибавив, что он — Бакунин — желает и надеется, что Россия будет побита в ближайшей войне, так как только социализм и федерализм могли бы поднять русский народ. Более откровенного и сильного объявления войны против официальной России едва ли можно было себе представить; и тем не менее оно не обезоружило группировавшихся вокруг Маркса социалистов и революционеров, между которыми в это время снова всплыло и стало раздуваться подозрительное отношение к Бакунину. И хотя Маркс доставил Бакунину через проживавшего тогда в Женеве Иоганна Филиппа Беккера экземпляр своего „Капитала“, но сам все же продолжал упорствовать в своем недоверии к нему, усилившемся еще тем, что Бакунин — по его словам, из простой забывчивости не написал Марксу ни одной строчки по поводу его труда.

Наступили конгрессы 1868 года и принесли с собой иные взаимные отношения. Конгресс Интернационала был созван к началу сентября в Брюсселе; а конгресс Лиги мира и свободы открылся двумя неделями позже в Берне. Бакунин, принятый в члены Исполнительного комитета Лиги, проводил связи между Лигою и Интернационалом. По его предложению, комитет послал Конгрессу Интернационала приветственный адрес, в котором он выражал свое полное сочувствие стремлениям рабочих и приглашал их прислать своих депутатов на конгресс Лиги. Но брюссельский конгресс был далек от того, чтобы ответить в таком же тоне, или занять по отношению

к Лиге то положение, какое занял всего за год перед тем женеvский конгресс. Напротив того, брюссельский конгресс принял резолюцию, заявлявшую, что Лига мира и свободы не имеет никакого повода для существования рядом с Международной Ассоциацией рабочих, и пригласившую поэтому ее членов примкнуть просто к Интернационалу; вместе с тем было отклонено всякое официальное представительство Интернационала на конгрессе Лиги. Такое отвержение всякой взаимности, походившее на пощечину и вызвавшее горькие упреки Бакунину со стороны его товарищей по комитету, было приписано им самим просто недоброжелательству Маркса и его друзей *). После этого Бакунин предложил конгрессу Лиги резолюцию, требовавшую экономического и социального уравниения классов и индивидов,—требование, которое вызвало резкую критику Маркса, и логическая ошибочность которого бросается в глаза. Ибо уравниение классов санкционирует неравенство индивидов; уравниение же индивидов кладет конец существованию классов. Впрочем, ошибка крылась единственно в неудачной форме выражения, от которой Бакунин потом

*) См. по этому поводу письмо Бакунина к Карлу Фогту в Берн, приведенное в литографированном труде Неглау о Бакунине. В этом письме говорится, однако, что причиненная Лиге несправедливость не должна быть поводом для последней, статья на ошибочный путь и сузить характер своих симпатий и решений.— „Как бы недружелюбно и мелочно не поступила с нами ассоциация рабочих, мы не можем и не должны забывать с своей стороны могучее и плодотворное значение брюссельского конгресса. Он составляет великое событие, даже величайшее событие наших дней; и если мы, действительно, честные демократы, то мы должны не только желать, чтобы Интернационалу удалось об'единить все рабочие союзы Европы и Америки, но и содействовать всеми силами достижению этой цели. Ибо один только Интернационал представляет в эту минуту настоящую революционную силу, которой предстоит обновить лицо мира“. Ни один социалист не мог бы ответить лучше.

Действительно ли брюссельское постановление было продиктовано Марксом, этого я не мог вырешить. Возможно, что его суждения и выражения о Лиге дали толчек к нему.

отказался. При обсуждении резолюции на конгрессе он заявил, по словам Гильома, что смысл ее заключается в требовании политического и экономического уничтожения классов. Предложенная Бакуниным резолюция была отвергнута, вследствие чего он с 18 своими единомышленниками—в числе которых были Виктор Жакляр, Жуковский, Джузеппе Фанелли, Элизе Реклю и Альберт Ришар—выступил из Лиги. Это были по большей части члены того тайного социал-демократического братства, которое Бакунин основал в Италии для борьбы с маццинизмом, а затем оттуда развивал пропаганду далее; и идея Бакунина заключалась в том, чтобы члены этого сообщества вступали индивидуально в Интернационал, как он сделал это сам в июле того года, но сохраняли бы в то же время свой прежний союз между собой. Заключалась ли в этом последнем пункте какая-нибудь нелояльность по отношению к Интернационалу,—может казаться спорным. В самом деле, в статуте Интернационала не было ни одного параграфа, запрещавшего отдельные союзы тех его членов, которым принципиальные заявления Интернационала казались слишком неопределенными. Да и сам генеральный совет, несмотря на протест французских рабочих, принял в Интернационал бланкистские секции, хотя бланкисты рядом с этим продолжали сохранять свои собственные союзы. Однако, предложение Бакунина не прошло. А именно, по желанию французов была основана открытая организация, которая назвала себя „Союзом Социалистической Демократии“, выработала себе очень определенную и радикальную социалистическую программу, вызвала к жизни несколько секций и пожелала примкнуть к Интернационалу, как одно общее целое. К основателям этого союза принадлежал, между прочим, проживавший в то время в Женеве и состоявший там главным агентом Интернационала для Швейцарии, очень деятельный немецкий социалист Иоганн Филипп Беккер, находившийся в очень близких отношениях с Марксом. Однако,

генеральный совет отклонил принятие Союза. Отдельные его секции могут вступать в Интернационал—заявил он,—но весь Союз, как одно целое, не может вести в недрах Интернационала своего обособленного существования; на этом пункте должна быть проведена раздельная линия ради могущих произтечь отсюда последствий. Интересно, что в совете Союза дружественный Марксу Беккер об'явил это решение несправедливым и гремел против „тупиц генерального совета“, тогда как Бакунин, напротив того, защищал это постановление *).

К этому же времени относится и вышеприведенное нами письмо Бакунина к Марксу. Оно было писано в тот самый день, когда состоялось постановление генерального совета о непринятии Союза в Интернационал, в виде обособленной корпорации, и явно имело своей целью успокоить Маркса на счет намерений Бакунина и Союза. После приведенных уже нами вступительных фраз Бакунин продолжает так:

„Я понимаю теперь лучше, чем когда-нибудь, насколько ты был прав, идя сам и приглашая и нас идти путем экономической революции и резко нападая на тех из нас, которые готовились сбиться с этого пути на ложные тропинки националистических или исключительно политических предприятий. Я делаю теперь как раз то, что ты начал делать и делал в продолжение более двадцати лет. После торжественных и публичных прощальных слов, обращенных мною к почтенным буржуа бернского конгресса, я не знаю другой среды, кроме мира рабочих. Мое отечество теперь—Интернационал, которого ты был одним из главных основателей. Итак, ты видишь, дорогой друг, что я—твой ученик, и горжусь

*) Так утверждает, между прочим, вышедшее несколько лет тому назад сочинение под заглавием: „Интернационал. Документы и воспоминания Джемса Гильома. Париж, 1905“. Это произведение несколько растянуто и многословно и часто теряется в лишнях мелочах, но оно за то богато материалами... Гильом был другом Бакунина и долго действовал в его направлении.

этим. Вот все, что я считаю необходимым сказать, чтобы уяснить тебе мои общественные отношения и личные чувства....

„Я посылаю тебе также программу Союза, основанного нами с Беккером и множеством других итальянских, польских и французских друзей. По этому поводу нам придется еще много поговорить между собою. Вскоре я припишу тебе копию большого письма—почти брошюры,—которое я пишу об этом предмете нашему другу Цезарю де Папу.“

Можно ли считать, что все это говорилось искренно, с честным намерением? Несмотря на то, что у Бакунина, как мы видели, имелись свои отличия во взглядах и оговорки, я склонен ответить на это утвердительно. Дело в том, что истинные разногласия между Марксом и Бакуниным лежали совсем в стороне от затронутых тут вопросов. Бакунин, ведь, и не говорит, что он подписывается обеими руками под каждым словом Маркса и предается ему душой и телом, а только уверяет его в своих дружеских намерениях и объявляет себя его единомышленником в деле отношения к рабочему классу. Что касается этого последнего пункта, то марксовское учение об исторической роли рабочего класса, несомненно, соответствовало вполне тогдашним убеждениям Бакунина. Ведь, всего за несколько лет до этого он перевел для „Колокола“ „Манифест Коммунистической партии“; и кто изучал сколько-нибудь внимательно сочиненный им статут „Союза“, с изложением—его принципов, тот сейчас же признает его за резюме идей, или содержащихся прямо в этом сочиненном Марксом и Энгельсом манифесте, или могущих быть выведенными из него логическим путем. Конечно, Маркс мог бы, несмотря на это, сказать ему словами поэта:

„Подобен духу ты, которого постичь
Ты в силах, но не мне“.

Но как много было людей, пользовавшихся полным доверием со стороны Маркса, к которым отлично подошли

бы эти же самые слова! Бакунин признал себя учеником Маркса; признал верность прежних, направленных против него, критических нападков. Можно ли было требовать большего?

Но победить недоверие Маркса оказалось не так-то легко. Как только получилось письмо Бакунина, он тотчас же сообщил его своему сотоварищу по генеральному совету, Герману Юнгу, состоявшему секретарем по Швейцарии и Бельгии, и поручил ему написать Цезарю де Папу, чтобы уведомить его о постановлении генерального совета насчет „Союза“ на тот случай, чтобы Бакунин не „заманил“ его в него. В своем письме по этому поводу Маркс говорит с пренебрежительной иронией, что Бакунин „уверяет“ его, Маркса, в своей „особенной дружбе“. После того, как Юнг исполнил желание Маркса, де Пап с товарищами открыто и честно отказались примкнуть к „Союзу“. И даже более: 19 января 1869 г. они послали комитету „Союза“ довольно длинное коллективное письмо, в котором они с дружеской настойчивостью отсоветывали своим швейцарским друзьям всякие обособленные организации и тем еще более усиливали уже имевшееся у тех намерение—уступить требованию генерального совета. „Союз“ распустил себя, и его секции примкнули по одиночке к Интернационалу. В то же время Бакунин покинул свое место в Международном революционном братстве, после чего и этот союз распался, как организация, хотя члены его продолжали поддерживать личные связи и отношения, против чего, конечно, нельзя было сделать никаких возражений и упреков.

Однако, это все же не привело с собою мира. В 1869 г. возникли раздоры в рядах интернационалистов романской Швейцарии, в которые впутался также и Бакунин; а когда вмешался в них и генеральный совет, к которому апеллировали спорящие стороны, то разразилась вскоре открытая война. Фактическим поводом к этому послужил вопрос, который еще и теперь играет

не малую роль в социалистическом мире, а именно— вопрос об участии в выборах и о соглашениях с буржуазными партиями. При выборах в Женеве более оппортунистическая секция рабочих действовала совместно с буржуазными радикалами, что было тем естественнее, что при существовавшей тогда в Женеве избирательной системе (подача голоса за целый список) не имелось никакого другого способа провести хотя бы одного рабочего представителя, так как рабочее население Женевы, в очень значительной своей части, состояло из неимеющих избирательных прав иностранцев (итальянцев, савояров, немцев и пр.) Но при этом пришлось сделать на этих выборах, так же, как и на выборах в соседних кантонах, кое-какие неблагоприятные уступки предрассудкам буржуазных избирателей, что в связи с другими неприятными обстоятельствами повело к взаимным трениям между оппортунистическими и более радикально-настроенными группами. Бакунин стоял душой и телом за последних; но мы должны верить ему и его друзьям в том, что они и в мысли не имели придти, вследствие этого, в столкновение с Марксом и генеральным советом. Еще на Базельском Конгрессе (1869) Бакунин подавал голос за умножение полномочий генерального совета, в котором он предполагал союзника против оппортунистической фракции западной Швейцарии, так как вожди этой фракции мало отличались от английских вождей рабочих союзов, против которых Маркс очень резко высказывался тогда в своих частных письмах, а впоследствии и публично. Но дело вышло по другому. Переменные жребии мелкой партизанской войны привели к тому, что генеральный совет и оппортунисты оказались на одной стороне в борьбе с радикалами и доктринерами. Взаимное недоверие стало разрастаться все более и более. Вильгельм Либкнехт в Лейпциге, считавшийся выразителем идей Маркса, заявил, будто бы он имеет в руках доказательства того, что Бакунин состоит агентом русского правительства. Суд чести, перед которым

предстали Бакунин и Либкнехт во время Базельского конгресса, объявил эти доказательства ничего нестоящими, и Либкнехт взял свой укор назад, но не принес Бакунину публичного почетного извинения, так как продолжал в душе считать свое обвинение справедливым. Подобным же образом и Л. Борггейм вел в демократической и социалистической немецкой прессе настоящий поход против Бакунина по части всяческих заподозрений. Бакунин и его друзья видели во всем этом руку Маркса и, в свою очередь, ополчились на генеральный совет, т. е., именно на Маркса; после чего Маркс 28 марта 1870 г. снова разослал вождям немецкой социал-демократии свое „Конфиденциальное сообщение“ о Бакунине, о котором была уже речь выше. Нужно, однако, заметить, что как ни принижает Бакунина Маркс в этом окружном послании, он нигде, ни одним словом, не подвергает сомнению его политическую независимость. Правда, он бросает ему там некрасивый упрек в том, будто бы он посвятил умершему в январе 1870 года, Александру Герцену свое горячее прощание только ради того, чтобы достигнуть к находившемуся в его распоряжении фонду пропаганды „псевдо-социалистической панславистской партии“ в России. Конечно, это очень возмутительное обвинение, построенное на очень слабых основаниях, тем более, что Маркс не имел ровно никаких данных, чтобы называть этот фонд—Бахметьевское наследство—панславистским. Но все же это обвинение не заключает ничего такого, что выставляло бы Бакунина сознательным служителем видам и целям официальной России. Но друзья и приверженцы Маркса заходили гораздо дальше и продолжение этой борьбы ставило самих Маркса и Бакунина во все более и более враждебное отношение друг к другу, пока, наконец, Маркс в сентябре 1872 г. на Гаагском конгрессе не добился низвержения Бакунина и Гильома из Интернационала, после чего Интернационал раскололся на две фракции, из которых одна обнимала значительное

большинство романских социалистов, а другая состояла из марксистского крыла немецких социалистов и оставшихся в меньшинстве у себя социалистов других национальностей; но обе фракции означали на деле просто ликвидацию так величественно вступившей в мир ассоциации.

На сторону Бакунина против Маркса стал тогда почти весь романский Интернационал. Кроме того, эта борьба имела еще то последствие, что большинство социалистов в России, численность которых увеличивалась в это время все сильнее и сильнее, долгое время не желали ничего слышать о Марксе.

Изданная марксистскою стороною, после Гаагского конгресса, брошюра—„Заговор против Интернационала“, имевшая целью обосновать и оправдать изгнание Бакунина, делает, между прочим, еще и ту несправедливость, что выставляет его некоторым образом соучастником нечаевских дел, что не соответствует фактам. В России знают эту историю в достаточной степени, и образ Бакунина давно уже сложился там в законченную форму со всеми его светлыми и темными сторонами; а потому я надеюсь не быть понятым ложно, если я скажу, что на основании всего того, что я читал у Бакунина и о Бакунине, и того, что я слышал о нем от близко стоявших к нему людей, я пришел к тому мнению, что хотя обвинения его в соучастии с Нечаевым⁴⁾ были построены на основании недостаточных, а отчасти даже ложно истолкованных данных, но что тем не менее, он не может считаться вследствие этого совершенно ни в чем неповинным. Однако, нужно прибавить к этому, что когда Бакунин погрешал, то этому содействовала одна особенность его характера, которая была ему свойственна наравне с его противниками—Марксом и Энгельсом, это—его вечно возрождавшаяся, баснословная доверчивость к людям, которых в других отношениях он видел насквозь. Мое суждение о Марксе по этому пункту основано, конечно, лишь на свидетельствах третьих лиц; но что касается до чрезвычайного легковерия Энгельса по

отношению к друзьям и единомышленникам, то я имел не однажды случай самому убеждаться в этом в моих личных сношениях с ним; впрочем, она ясно выступает также из писем этого великого человека к Фр. А. Зорге, а ведь Энгельс был еще в большей мере виновником памфлета против Бакунина, чем Маркс. Бакунин, с своей стороны, далеко не был тем „большим ребенком“, каким любили выставлять его Герцен и другие, также как и тем теоретическим „путаником.“ какого делает из него Маркс; но он, действительно, поступал иногда с бесшабашной ответственностью ребенка, позволяя темпераменту и чувству увлекать за собой его рассудок даже в тех случаях, где его острый взгляд должен был указать ему лучший путь. Он мог быть зараз реалистом и романтиком, политиком и утопистом, и был не раз обманываем только потому, что ему нравилось быть обманутым. Известно, как сильно импонировал ему Нечаев, появившийся в Женеве, в марте 1869 года. Письмо, в котором Бакунин рассказывает о нем Джемсу Гильому, напоминает Гейне Варнхагену о молодом Лассале. Какая-то „римская доблесть“, звучавшая в рассказах Нечаева, очаровала его. „Наша молодежь—и в теории, и на практике, быть может, наиболее революционная молодежь в целом свете—волнуется в настоящую минуту до такой степени, что правительство оказалось вынужденным закрыть петербургский, московский и казанский университеты, а также академии и некоторые другие школы. Я имею в эту минуту перед собой один образчик этих молодых фанатиков, которые ни в чем не сомневаются, ничего не боятся и руководятся тем убеждением, что много, много еще должно пасть от руки правительства, но что не следует успокаиваться ни на одно мгновение, пока не поднимется народ. Они изумительны эти молодые фанатики—верующие без бога и героя и фраз. Дядюшка Мерон*) порадовался-бы,

*) Папа Мерон—один уже очень пожилой швейцарский революционер и основатель первой секции Интернационала в Локле.

увидав того, который живет теперь у меня; да и ты — тоже“.

Так стоит в письме, помеченном 13 апреля 1869 г. Но в этом же самом письме — рассказывает Бакунин, не без юмора, — как он действует в это же время в Женеве в роли „реакционера“. „Здесьние наборщики, — пишет он, — начавшие и поведшие свое дело очень худо, увидав себя загнанными в тупик, пожелали побудить Интернационал к уличным демонстрациям, перед которыми стояла такая дилемма: если бы они не перешли немедленно сначала к угрозам, а затем к насилиям, то ими не было бы достигнуто ровно ничего; а если бы они привели к драматической развязке, то дело окончилось бы полным поражением Интернационала. Читал ли ты в позавчерашнем номере нашу статью „Две стачки“?

Упомянутая тут статья, напечатанная в Женевской газете „Равенство“ (L'égalité) принадлежит перу Бакунина и предостерегает товарищей не позволять увлекать себя в частные и преждевременные схватки с врагом. „Мы должны поступать по другому“, — значит в том же письме к Гильому, — „нам не хватает образованной молодежи, она здесь вполне реакционна, а рабочий настроен еще очень буржуазно. Конечно, он еще станет буйным, — в этом я не сомневаюсь, — но этому должны предшествовать некоторые факты, которые изменят его настроение“. Мы видим из этого, что Бакунин, когда это было нужно, мог быть столь же осторожным и рассудительным, как и любой оппортунист. Он мог видеть ясно, когда того желал, но он не всегда желал видеть ясно.

Об этом свидетельствует его отношение к „герою без фраз“, как он называл Нечаева. Что было сделано этим человеком в России, и как он вел из Швейцарии свою русскую конспирацию, это такие вещи, которые я позволю себе обойти молчанием. Столь же мало права чувствую я за собою и на то, чтобы высказать решительное суждение о нем, как о человеке. Я могу ограничиться тут лишь тем твердо установленным фактом,

что он обманывал Бакунина без всяких угрызений совести и не раз злоупотреблял его именем. Наиболее известным образчиком его дерзости было его письмо из Швейцарии петербургскому книгоиздателю Полякову, в котором он от имени „революционного комитета“, требовал от него освободить Бакунина от принятого им на себя обязательства касательно перевода „Капитала“. так как „революции нужна вся его сила целиком“. К этому, говорят, присоединены были еще угрозы на тот случай, если бы Поляков, уплативший Бакунину вперед третью часть условленного гонорара, вздумал настаивать на выполнении заключенного договора. Как бы мягко мы не судили об этом письме, с точки зрения его цели, тем не менее, оно очень походило на обыкновенное вымогательство и выставляло Бакунина в очень дурном свете *). Есть ли этот Поляков тот самый книгоиздатель, который писал Марксу осенью 1868 г., этого я не мог выяснить с достоверностью. Но столкновение его с Нечаевым имело своим последствием прекращение Бакуниным своего труда над переводом, причем Бакунин, узнав через несколько месяцев об этом деле, не преминул энергически потребовать от Нечаева отчета за него и просил его избавить впредь от защиты такого рода. Однако, это происшествие не помешало, повидимому, Бакунину еще долгое время позволять своему „герою без фраз“ сбивать себя на ложные пути.

Однако, разрыв между ними все-таки произошел, и к тому времени, когда вышла в свет обвинительная брошюра Маркса, в кружках русских социалистов уже знали довольно верно, каковы были на деле отношения

*) Какого труда стоила Бакунину эта переводная работа, свидетельствуют его письма к Н. Жуковскому. Быть может, ничто не может быть характернее для отношения между Марксом и Бакуниным, чем тот факт, что в то самое время, когда Маркс рассылал свое „конфиденциальное сообщение“ о Бакунине, этот последний потел в Локарно над переводом марксовского „Капитала“.

между Бакуниным и Нечаевым. Поэтому она должна была потерять свое действие даже на тех, которые считали поведение Бакунина заслуживающим порицания. Напомним лишь то, как резко высказался о ней даже сам Петр Лавров в своем „Вперед“. Она сделала бесконечно много для того, чтобы отчудить от Маркса тогдашний социалистический мир в России. А между тем социалистическая пропаганда захватывала тут все более и более широкие круги учащегося юношества, которое проявляло столько же усердия к знанию, сколько стремления к практической деятельности и самопожертвованию. Но лишь очень немногие из них чувствовали влечение к Марксу. Они чтили его ученость, но мало симпатизировали ему, как человеку. Он казался им типическим представителем всех дурных сторон немецкого ученого. И для тех из них, кто не держался за Бакунина и его школу, руководителем являлся Лавров, продолжатель дела Добролюбова и Чернышевского.

Лишь очень небольшая кучка русских окружала Маркса в начале семидесятых годов. В числе их был и Утин, который не поспособствовал ее доброй славе. Это был человек совсем с другим характером, чем Нечаев, но от этого он большинству ничуть не казался лучше. Фанатику прощается многое, потому что мы сочувствуем его стремлению; но в Утине большинство видело лишь пронырливого интригана и сплетника, при чем многие не прочь были судить по ученику и об учителе. И лишь очень немногие знали, что близко к Марксу стоял тогда некий русский социалист, к которому выражение „герой без фраз“ могло быть применено с большим правом, чем к Нечаеву.

С чисто человеческой точки зрения, в этой борьбе между Марксом и Бакуниным этот последний выступает, несомненно, в более благоприятном свете, чем его противник; даже тот, кто считает, что Маркс отстаивал в этом споре интересы рабочего движения, не допускавшие никаких сентиментальных уступок, не может не

пожалеть, что Маркс не повел этой борьбы иными средствами и в иных формах. Но самая борьба была неизбежна. Наилучшим свидетельством тому служит письмо Бакунина к Герцену от 28 октября 1869 года, в котором сам Бакунин заявляет, что он избегает столкновения с Марксом только из тактических соображений для того, чтобы иметь возможность в надлежащее время повести эту борьбу против „государственного коммунизма“ Маркса с тем большею силой и с тем большим расчетом на успех. Впрочем, *implicite* это разногласие между ними проявилось уже в той речи, которая была сказана Бакуниным на Бернском конгрессе мира и в которой он называет себя противником коммунизма и противопоставляет ему свой коллективизм. Этого не следует забывать при обсуждении отношений Маркса к Бакунину. А затем, несмотря на все формальные ошибки, Маркс все же отстаивал, даже с этической точки зрения, более высокое дело: а именно политику, основанную на научном исследовании, против политики простого дилетантства.

II. МАРКС И НАРОДОВОЛЬЦЫ.

Первым более или менее значительным русским революционером, вступившим в сношения с Марксом, был Герман Александрович Лопатин ⁵⁾, о смелых предприятиях которого и понесенных за них жертвах я здесь не говорю, так как считаю их известными. Как рассказывает освобожденный им Лавров, Лопатин ознакомился с теориями Маркса уже вскоре после первого своего пребывания за границей, в 1867 г.; вторая его поездка за границу дала ему повод для личного знакомства с Марксом, а несколько позже — и с его другом и сотрудником Фридрихом Энгельсом. Это было в 1870 году. Еще ранее знакомства с Марксом Лопатин посетил Бакунина в Швейцарии. Рассказанные нами

ранее распри уже обострились в то время в достаточной мере, но влияние их на Интернационал, за исключением французской Швейцарии, было еще незначительно, и человек мог еще быть в дружеских отношениях с Бакуниным, не переставая оставаться почитателем Маркса. Однако слабые стороны в характере и воззрениях Бакунина не остались тайной для Лопатина, который уехал вскоре из Женевы в Париж и примкнул там к Интернационалу, вступив членом в одну из парижских его групп, занимавшуюся изучением социальных явлений; причем он познакомился, в качестве сочлена, с Полем Лафаргом, женившимся незадолго до того на второй дочери Маркса. И вот, когда Лопатин в том же году переехал в Лондон, Лафарг дал ему какое-то поручение к семейству Маркса, причем Лопатин познакомился с самим Марксом и сообщил ему о своем намерении перевести его „Капитал“ на русский язык, к чему Маркс отнесся, конечно, с полнейшим участием. По предложению Маркса, поддержанному Энгельсом, генеральный совет Интернационала, достигшего в то время своего кульминационного пункта, принял Лопатина в свой состав, при чем он служил докладчиком по русским делам и принимал деятельное участие во всех заседаниях и работах совета; его подпись можно видеть под одним из советских манифестов того времени; только, вследствие недосмотра корректора, там стоит Lausatин вместо Lopatin. Все это время Лопатин был частым и желанным гостем у Маркса и Энгельса, на которых он произвел самое лучшее впечатление серьезностью своих стремлений и своим открытым, веселым характером.

Известно, с какою целью вернулся Лопатин в Россию в конце 1870 года. Прощаясь с Марксом и Энгельсом, Лопатин не сообщил им о своем намерении освободить Чернышевского, так как оба они вообще неодобрительно смотрели на его экскурсии на родину и на связанные с ними опасности. Впрочем, их опасения

оказались не безосновательными. Едва Лопатин, после всяческих необходимых уклонений в стороны, достиг, наконец, до Иркутска; едва—благодаря завязанным им по дороге связям, а также вследствие распространившегося откуда-то мифа, будто-бы любознательный новоприезжий, так хорошо осведомленный о многих местных делах и так живо интересующийся всем окружающим, есть никто иной, как тайный правительственный агент—ему удалось наладить успешно свои дела; едва он открыл местопребывание Чернышевского, находившегося в то время в Нерчинской каторге, и получил небезосновательную надежду выволить его оттуда, как вдруг он сам был арестован неожиданно по доносу из Женева. Таким образом, когда происходила рассказанная в предыдущей статье борьба между Марксом и Бакуниным, Лопатин сидел в одиночном заключении в Иркутском остроге, и борьба эта пришла почти к концу, когда ему удалось напоследок, в 1873 году, после нескольких неудачных попыток к побегу, вырваться, наконец, из Сибири: переодетый крестьянином, он исполнял крестьянскую работу, в качестве возчика при одном из обозов с товарами, тянувшихся круглый год по Сибири, вдоль большого московского тракта.

Между тем сношения Маркса с русскими революционерами значительно расширились за это время, главным образом, вследствие того, что в мае 1871 года Петр Лавров выехал в Лондон из осажденного версальцами Парижа, чтобы вступить, по поручению все теснее и теснее сдавливаемой Коммуны, в устные переговоры с генеральным советом Международной Ассоциации рабочих. Если память не изменяет мне, то именно Лавров передал совету от центрального комитета Коммуны ту крупную денежную сумму, которая хотя и не могла уже быть употреблена на просимую военную поддержку, так как Париж вскоре вынужден был сдаться, но зато дала Совету возможность в продолжение долгого времени помогать многочисленным коммунарам, скрывшимся

заграницей после падения Парижа. Во всяком случае с этого времени началось личное знакомство Маркса и Энгельса с Лавровым, который подобно им, был одинаково предан теоретическим исследованиям и практической борьбе. При такой одинаковости умственного настроения, некоторые разномыслия не могли помешать отношениям между Марксом, Энгельсом и Лавровым принять вскоре самый дружественный характер. От Маркса и Энгельса позаимствовано многое Лавровым в его воззрениях на участвующие в историческом развитии силы и на сущность социальной борьбы, причем, однако, эти позаимствования ничуть не вредят его умственному своеобразию в области философии истории.

К тому же 1871 году, а именно к 30 августа, относится письмо Николая Даниельсона⁶⁾ к Марксу, лежащее сейчас в копии передо мной. Оно не сообщает нам никаких новых, важных фактов, но не лишено интереса, как изображение настроения того времени. Даниельсон был продолжателем и завершителем начатого Лопатиным перевода „Капитала“. Повидимому, он впервые вступил в сношения с Марксом уже после возвращения Лопатина снова в Россию. Вот это письмо Даниельсона:

Петербург, 30 августа 1871 г.

Милостивый Государь!

На днях окончился, наконец, Нечаевский процесс. Обвинялось 87 человек, из которых осуждены 31, но большинство из них отделалось сравнительно легкими наказаниями. В числе потерпевших суровое наказание находится некая Александровская, привезшая из Женевы в Россию несколько прокламаций. Большинство этих прокламаций были Бакунинско-Нечаевского сорта; но в числе их оказалась, однако, и такая, которая не имела с этими ничего общего а именно — русский перевод „Манифеста Коммунистической Партии“.

Впереди предстоит еще много других политических процессов, хотя и небольшой важности, между прочим и процесс по поводу издания русского перевода сочинений Лассалья. Прокурор не мог найти в самом содержании их ничего наказуемого; но так как правительство настаивало на обвинении, то он должен был прибегнуть к разбору языка, которым написан „Капитал и труд“ и который он находит слишком резким и опасным для общественной нравственности.

Наши экстренные земские собрания продолжают в своих постановлениях высказываться в пользу подоходного налога; а Вологодское земское собрание зашло даже так далеко, что высказалось за полное освобождение от налогов всех лиц, получающих меньше 100 руб. ежегодного дохода. Это тем замечательнее, что до сих пор очень значительная часть нашего государственного бюджета покрывалась прямыми налогами на рабочее население. Большинство нашей прессы также высказывается за эту реформу.

Я не получил пока тех изданий генерального совета, которые вы собирались прислать мне. Быть может, вы опасаетесь тех неприятных последствий, которые случаются здесь иногда по поводу таких посылок; но, право, они далеко уж не так страшны, а потому смело посылайте то, что намеревались прислать. Лучше всего посылайте мне такие брошюры в запечатанных конвертах, в форме нефранкированных писем, невзирая на их объем и вес. Иным способом получить здесь такие издания нельзя. Вообще наши здешние сведения о деятельности Интернационала очень скудны. Правда-ли, что Интернационал успел уже внушить такой страх, что князь Бисмарк и граф Бейст вступили в переговоры между собой с целью выработки каких-либо общих мер против него.

Наш общий друг сидит в крепости и содержится очень строго. Что станет с ним,—никто из нас не знает. Что-то не слышно о судебном преследовании

против него и дело похоже на то, как будто бы правительство желает заточить его, без суда, на неопределенное время в одиночную тюрьму.

С глубоким уважением Н. Д.

Тот „общий друг“, о котором тут идет речь, был, конечно, Лопатин, к судьбе которого Маркс относился, без сомнения, с величайшим участием. Он нашел у него необыкновенную понятливость по отношению к теоретическим вопросам. Петр Лавров—в своей статье о Лопатине в „Die Neue Zeit“ за 1889 год—высказал предположение о существовании чрезвычайно интересной переписки последнего касательно теорий Карла Маркса и Герберта Спенсера, относящейся ко времени его пребывания в Ставрополе, т. е. к 1869 году. Это заявление с самого начала показалось мне несколько сомнительным, и я продолжаю думать и теперь, что если эта переписка существует, то она относится к более позднему периоду, т. е. ко времени его личного знакомства с Марксом и его трудов по переводу „Капитала“ и „Психологии“ Г. Спенсера на родной язык. Во всяком случае, Лопатин много поспособствовал тому, чтобы побудить некоторую часть прогрессивных элементов тогдашней русской молодежи обратиться к изучению Маркса.

Благодаря любезности того же из моих друзей, который представил в мое пользование письмо Даниельсона, я имею возможность привести здесь буквальные выдержки из письма к Марксу Николая Любавина от 8/20 августа 1872 года. Считаю нужным напомнить еще раз, что это письмо было написано, так сказать, накануне Гаагского конгресса Международной Ассоциации рабочих, на котором дело шло о том чье влияние должно господствовать в Интернационале: Бакунинское или Марксовское. Любавин пишет, что он узнал от петербургского корреспондента Маркса, что Маркс желает получить в подлиннике то письмо, которое было написано Бакуниным ему, Любавину, по поводу дела о переводе „Капитала“, и которое приводилось в связь с, якобы

вымогательским письмом, посланным Нечаевым от имени революционного „бюро“ издателю Полякову. Он, Любавин, давно покончил свои счета с Бакуниным тем грубым письмом, которое он написал ему летом 1872 года; и если он все же готов удовлетворить желание Маркса, то лишь потому, что он считает Бакунина очень вредным, и надеется, что обстоятельства, связанные с его участием в переводе „Капитала“, поспособствуют его дискредитированию. Впрочем, он нисколько не переоценивает доказательной силы этих писем. Он должен предупредить с самого начала, что имеющиеся в его руках доказательства вовсе не имеют той принудительно - убеждающей силы, которую, быть может, приписывает им Маркс. „Хотя они и бросают известную тень на эту личность, но они недостаточны для ее осуждения“, Бакунин причинил уже много несчастий, но „все еще сохранил известный ореол в глазах Западной Европы и нашей неопытной молодежи, так что дискредитированье его должно послужить на общую пользу“.

В двух примечаниях к этому месту своего письма автор его говорит, что еще недавно он имел случай убедиться, каким ореолом окружена личность Бакунина в глазах русского юношества, а также сообщает, что в Петербурге носится слух, будто бы насилие над Утиным со стороны цюрихских студентов было произведено по наущению Бакунина. Далее самое письмо продолжается так:

„Согласно вашему желанию, я прилагаю к этому письму и письмо от „Бюро“, но с тем условием, что вы вернете мне его, как можно скорее после того, как используете его для своих целей, так как оно может оказаться бесполезным и здесь. Что касается до способа пользования им, то вы очень ошибаетесь, предполагая, что мое знакомство с этим господином (Нечаевым. *Ред.*) было исключительно коммерчески-делового характера. Опубликованием моих писем к нему он может причинить мне большие неприятности, и он даже уже обещал мне

это в самых определенных выражениях на тот случай, если я позволю этой истории с переводом выплыть снова наружу.

„Чтобы сделать эту историю ясной для вас, я должен рассказать вам следующее:

„Находясь в Берлине в 1869 году, я узнал от моего покойного друга Негрескула, что Бакунин находится в большой нужде и что следует ему помочь, как можно скорее... Я тогда знал Бакунина еще очень мало, но считал его за одного из лучших героев освободительной борьбы, за какого его считали и доселе еще считают столь многие русские студенты. Я тотчас же послал ему 25 талеров и в то же время обратился через одного из моих петербургских друзей к одному издателю с просьбой о работе для Бакунина. Было решено доверить ему перевод вашей книги. За перевод было обещано 1200 руб. Согласно его желанию, был выслан ему через меня целый тюк книг, в которых он нуждался, в качестве вспомогательных пособий для перевода, а также было уплачено ему вперед, тоже по его просьбе, 300 руб. 28 сентября 1869 г. я выслал эти 300 руб. из Гейдельберга (куда я успел перебраться в это время) по адресу некоего Шарля Перрон в Женеве, а 2 октября я получил расписку в них от самого Бакунина.

„2 ноября, пишет мне Бакунин из Локарно, что теперь он освобожден, наконец, от чрезмерной политической деятельности и что „завтра“ он приступит к переводу. Прошел весь ноябрь, а я не получил от него ни одного листа рукописи. Затем, в конце ноября или, вернее, в начале декабря я спросил его, вследствие полученного мною письма из Петербурга,—желает ли он переводить или нет. К сожалению, я не оставил себе копии этого письма, а потому не могу сказать с точностью,—что и как я ему тогда писал. Насколько я могу припомнить, мой петербургский друг, через которого я сносился с издателем, писал мне, что если Бакунин не желает переводить, то пусть скажет это прямо, вместо того,

чтобы тянуть дело; что же касается до 300 руб., то об этом можно всегда столковаться. Я написал это Бакунину, на что и получил ответ 16 декабря. Он начинает письмо свое с объяснения, что он не писал мне так долго (последнее полученное от него письмо было помечено 2 ноября) „отчасти“ потому, что я был с ним очень груб по другому делу, а не по переводу). Затем он продолжает; „Как могли вы вообразить, что после того, как я принял на себя этот труд и даже получил за него вперед 300 руб.—я вдруг откажусь от него?“ Он заявляет, что он построил весь свой будущий годовой бюджет на этой работе. Лишь совершенно независившие от него обстоятельства помешали ему серьезно приступить к переводу ранее начала декабря, а затем, он должен еще прибавить, что взятая им на себя работа оказалась много труднее, чем он воображал. Затем, у него идет речь о разных трудностях перевода. Из них я приведу вам здесь только одну, так как я сильно подозреваю, что Бакунин здесь просто солгал. Он приводит следующую фразу из вашей книги: „ценность, это—отвердевший труд“ *) и говорит: „Маркс просто пошутил тут, в чем, впрочем, он сам мне сознался“. Далее он выражает надежду, что к концу апреля 1870 г. перевод будет готов совсем, и настоятельно просит меня поговорить в его пользу с издателем, чтобы тот не отбирал от него перевода. Если же издатель все-таки отберет у него перевод, то мы должны уведомить его, Бакунина, как можно скорее и тогда он озаботится о возвращении полученных вперед 300 рублей.

„19 декабря присылает он мне первые листы своей рукописи. „С настоящего времени я буду высылать вам через каждые два или три дня переведенные и переписанные листы“.

„31 декабря получаю я еще несколько листов перевода, которые и были последними. В общей сложности

*) Буквально: „трудовой сгусток“—Arbeitsgallerte.]

я получил от него один или самое большее—два печатных листа.

„3 марта 1870 г. пришло, наконец, ко мне то письмо от „Бюро“, которым вы так интересуетесь теперь. Хотя это письмо было писано не Бакуниным (по всей вероятности оно было непосредственным произведением самого Нечаева), но я почел Бакунина ответственным за него, так как его участие в нем мне казалось тогда совершенно несомненным, а потому я написал ему ругательное письмо. Зимний семестр уже кончился; мне нужно было уезжать; но я выжидал еще 2¹/₂ недели после отправки моего письма; однако, не получил никакого ответа. Впоследствии Бакунин писал моему и вашему знакомому, Лопатину, будто бы он послал мне короткий ответ, в котором значилось, что он отказывается от перевода вследствие моей грубости. Но я убежден, что этого ответа никогда не существовало, ибо иначе я получил бы его. Тому же моему другу он вручил квитанцию, в которой заявляется, что он получил от издателя через меня 300 руб. и обязуется возвратить их в возможно скором времени. Но эта квитанция была совершенно излишней, как как я имел уже его собственноручную расписку на эту сумму, а его обещание скорой уплаты не было исполнено. До настоящей минуты от него не было получено ни одного рубля, но зато недавно он послал к тому же издателю одну даму с просьбой дать ему другой перевод, причем обещалось, что история с „Капиталом“ более не повторится. Что за бесстыдство!

„В заключение скажу, что я думаю теперь о том письме, которое я получил в 1870 г. от „Бюро“. Тогда участие в нем Бакунина казалось мне несомненным. Но я должен сказать, что теперь, когда я хладнокровно перебираю в голове всю эту историю, я вижу, что участие в ней Бакунина совсем не доказано, так как в действительности письмо могло быть послано Нечаевым совершенно независимо от Бакунина. Одно только можно

считать установленным вполне; это то, что Бакунин выказал полнейшее нежелание продолжать начатую работу, несмотря на полученные за нее деньги“.

Таково главное содержание этого письма. Затем автор его просит Маркса уведомить его о получении этого письма через своего петербургского корреспондента и прилагает адрес, по которому может быть возвращено ему обратно письмо таинственного „Бюро“.

В первой статье я уже высказал мое мнение насчет того, насколько это письмо „Бюро“ может быть поставлено в вину Бакунину, а потому не хочу еще раз возвращаться к этому пункту. Но не могу не сделать еще одного замечания. В то время, когда разыгрывалась эта история с переводом, Бакунин был уже человеком 56 лет от роду, имевшим за собою более двух десятков лет политической борьбы. Такой человек, даже при самом демократическом душевном складе, не может не почувствовать себя оскорбленным, когда его начинает „отчитывать“ молодой студент на тот манер, как это сделал Любавин по его же собственному рассказу. По письму его видно, что он очень правдолюбивый и совестливый человек; но эта совестливость, очевидно, соединялась в нем с большой дозой педантичности. С другой стороны, этот добрый Любавин, как кажется, не отдавал себе должного отчета о тех трудностях, которые представлял перевод именно первой главы „Капитала“. Не думаю, чтобы другие переводчики справились с ней скорее, чем Бакунин. И вообще говоря, повидимому, большинство русских, принявших сторону Маркса, отличались сильным расположением к доктринерству.

Одним из немногих исключений отсюда был Лопатин, который после успешного побега из Сибири в 1873 г. поселился в Париже, откуда и наезжал от времени до времени в Англию к Марксу и Энгельсу. Хотя он был другом и учеником Маркса, но он не был, собственно тем, что нынче называют „марксистом“. Всякое

сектанство претило ему; а образование специально марксистской фракции при тогдашнем состоянии русского социалистического движения, могло бы вылиться только в сектанство. Он относился дружелюбно ко всем русским социалистам и помогал им словом и делом всюду, где мог, но не вступал ни в какую отдельную группу. В этом смысле слово „Эклектик“, употребленное в 1874 г. Фридрихом Энгельсом по отношению к Петру Лаврову, в его статье о расприях между русскими социалистами—подшло бы, пожалуй, и к Лопатину. Но это ничуть не мешало его отношениям к Марксу и Энгельсу становиться все интимнее и сердечнее, так что при своих неоднократных поездках в Лондон он всегда был там дорогим гостем для старых и молодых,—гостем, с которым сегодня обсуждались самые серьезные вопросы науки или практической политики, а завтра предавались самому безудержному веселью и шуткам. Впоследствии, Элеонора Маркс часто рассказывала мне о веселых часах, проведенных ею с Лопатиным, когда он пытался преподавать ей уже не помню, что такое, см. *); ее необузданная страсть к спорам делала то, что учитель редко выдерживал свою педагогическую роль более двадцати минут, и урок превращался в веселую свару. Что касается до Фридриха Энгельса, то всякий раз, когда у нас заходила речь о Лопатине, он всегда выражал безграничную веру в его энергию и находчивость. „Я твердо убежден“—повторял он до самого конца,—„что в один прекрасный день Лопатин снова войдет в мою комнату, спокойно усядется предо мной и разразится смехом“. И это говорилось, когда Лопатин сидел в Петропавловской крепости и в Шлиссельбурге. Ясно, что такие ожидания можно было питать лишь по отношению к человеку, для которого считают возможными совершенно неисполнимые для других подвиги.

Как известно, в 1877 году во время одной из своих тайных поездок в Россию, Лопатин был схвачен и, в

*) Русский язык.

конец концов, очутился в административной ссылке в Вологде, откуда ему удалось в 1883 году снова уйти за границу. Затем, всего через полтора года после этого, во время самой злейшей реакции в России, когда революционное движение там было почти совсем задавлено, а в обществе царили всеобщий упадок духа и уныние, а во многих случаях даже просто трусость, Лопатин снова вернулся тайно во владения русского царя, чтобы помочь реорганизации заново того, что могло быть отыскано и реорганизовано. Понятно, что ради такой действенной силы Маркс и Энгельс готовы были не придавать значения даже более крупным теоретическим разномыслиям, чем те, которые могли существовать между ними и Лопатиным. Тем же почтением ко всякому действительно революционному делу в России об'ясняется и то положение, которое они заняли по отношению к „Народной Воле“ и ее „Исполнительному Комитету“ после того, как эти революционные организации возникли в России в конце семидесятых годов.

Каковы были те точки зрения, из которых они исходили при этом, можно ясно видеть, во-первых, из той полемики, которую Энгельс вел в 1874 и 1875 гг. с Петром Никитичем Ткачевым⁷⁾; во-вторых, из письма, написанного в 1877 г. Марксом для „Отечественных Записок“; и, наконец, из поведения Энгельса в половине восьмидесятых годов, в период возникновения резких столкновений между русской социально-демократической фракцией—успевшей сложиться за это время—и „Народной Волей“ с ее теоретическим представителем Лавровым.

Началом полемики с Ткачевым послужили две статьи в Лейпцигской газете „Volkstaat“ от 6 и 8 октября 1874 г. под заглавием „Литераторы-эмигранты“. Фридрих Энгельс, печатные заявления которого до самой смерти Маркса должны считаться выражающими мнения и этого последнего, спорит в этих статьях с редакцией „Вперед“, т. е. с Лавровым, насчет тех правил, которыми следует руководствоваться в полемике между социалистами. Дело

в том, что Лавров—или „друг Петр“, как называет его Энгельс — высказал в 1873 г. в журнале „Вперед“, открытое порицание сочиненной Энгельсом и Лафаргом брошюре „Союз Социалистической Демократии“, изданной потом по-немецки под заглавием „Заговор против Интернационала“ за ее резкий тон, и, в особенности, за то, что в ней выставляются против Бакунина обвинения чисто личного свойства, почерпнутые из области его частной жизни; тогда как все объяснения и споры в печати между товарищами по партии должны ограничиваться всегда лишь безусловно необходимым и вестись строго деловым образом, привлекая к рассмотрению лишь относящиеся к данному вопросу факты. Однако, когда несколько позже, а именно в начале 1874 г. „Вперед“, т. е. Лавров, сам подвергся чрезвычайно грубому и злобному нападению со стороны Петра Ткачева, только что скрывшегося из России за границу, то Лавров ответил ему тоже довольно резко. Так вот Энгельс доказывал в своих статьях, что Лавров в своем ответе нарушил не малую часть им же установленных правил для партийной полемики, хотя и не называя имен, но в очень понятной для всякого посвященного форме, обвинял Бакунина и Нечаева в таких же поступках, как и авторы брошюры об Альянсе. Это, дескать, прекрасно иллюстрирует тот факт, что когда дело идет о важных партийных интересах, то личная чувствительность и все такого рода соображения замолкают и отбрасываются в сторону даже в борьбе внутри партии. Впрочем, Энгельс вполне берет сторону Лаврова против Ткачева и говорит очень пренебрежительно об этом последнем и о его теории, будто бы народ всегда готов к революции и что толковать о его предварительном просвещении и организации значит служить делу реакции. Горячий привет Ткачева—под заглавием „Открытое письмо г. Фридриху Энгельсу“ (Цюрих, 1874, типография газеты „Tagvacht“) — подал повод Энгельсу к новому ответу, который появился сначала в Лейпцигской газете „Volkstaat“

за 1875 г. (№№ 36, 37, 43, 44 и 45), а затем издавался не однажды в виде отдельной брошюры, с опущением лично-полемиической части, под заглавием „Социальные этюды на русские темы“. В последний раз эта статья, с новым послесловием Энгельса, была опубликована издательством при газете „Vorwärts“, как часть небольшого сборника, озаглавленного „Статьи международного характера“ из газеты „Народное Государство“.

Предметом этой полемики были два фундаментальные вопроса, которые в последнюю треть девятнадцатого века волновали в России весь радикально-оппозиционный мир и которые находились в некоторой органической связи между собой. А именно, во-первых, вопрос о готовности русского народа к революции и, во-вторых, вопрос о том, пойдет ли русская революция сначала по пути буржуазно-либерального развития, или же она, благодаря широкой распространенности полукommунистических сельских общин, поведет к прямому осуществлению социализма и, таким образом, спасет Россию от перехода через эпоху капитализма со всеми ее бедственными последствиями и разлагающими тенденциями. Защитники существования в России особенного расположения к революционному восстанию опирались на то обстоятельство, что русское царство представляет собой относительно неорганизованную махину, в существовании которой в ее нынешней форме, с ее современными учреждениями заинтересована лишь самая ничтожная часть населения. А защитники того взгляда, что революция в России должна повести прямым путем к социализму, приписывали общине и артелям способность к самостоятельному, дальнейшему развитию заключавшегося в них социалистического зерна, без всякой помощи более или менее значительных внешних влияний. Оба эти взгляда заключали в себе долю истины, и оба сильно преувеличивали значение и силу своих отправных посылок. Во всех странах, на ступенях, предшествующих капиталистическому периоду, государственное сознание бывает развито лишь очень

слабо, и политический переворот в государстве представляет обыкновенно процесс, мало задевающий социальное тело. Народная масса тут еще равнодушна к политической форме и требует только освобождения от давящего ее бремени, кем бы оно ни было выполнено. Поэтому даже разбойник, грабящий богачей, но щадящий и одаривающий бедняков, представляет на этой ступени очень популярное явление. В этих пределах Бакунин и Ткачев были правы, приписывая русскому народу большую готовность к революции, чем какая существовала тогда у великих западно-европейских народов. Но ведь в сущности эта готовность вовсе не была каким-то специфическим, национальным отличием русских, а лишь свойством известной стадии социального развития и притом такой именно культурной стадии, на которой политические перевороты обнаруживали повсюду и всегда чрезвычайно малую силу социального творчества, так что революции на этой ступени имели обыкновенно своим последствием лишь перемену лиц и верхних аристократических слоев, оставляя всю остальную социальную жизнь в прежнем, неизменном положении. Нужно еще прибавить к этому, что в России центральная царская власть, опираясь на материальные средства гораздо более высокого уровня культуры, чем те, какими располагали когда-то прежние западно-европейские правительства, обладает вследствие этого и большею силой сопротивления, чем какую проявили эти последние, материальные средства которых соответствовали, в сущности, тому культурному уровню, на котором стояли управляемые ими народы. Поэтому, если бы никакие другие, добавочные факторы не толкали Россию к революции, то ее шансы по этой части следовало бы считать вовсе не особенно блестящими.

Вот та единственная сторона, с которой Энгельс нападал на защищаемую Ткачевым, но отнюдь не изобретенную им идею об особенном расположении русского народа к революции. Маркс и Энгельс жаждали

русской революции ничуть не менее горячо, чем любой русский революционер. Ведь они видели всегда в русском самодержавии опору и охрану всех реакционных правительств, всех феодальных классов средней и западной Европы. Но в то же время они прекрасно сознавали военную силу царского правительства. Пусть нечестность управления и господство протекции в офицерской среде ставили русскую армию ниже западно-европейских армий, более свободных от этих недостатков, но все же, и в современном своем виде, эта русская армия была достаточно сильна, чтобы справиться с крестьянскими восстаниями, тем более, что крестьяне подымались временами в разных местах против дворян и чиновников, но никогда против самого царя, как это опять-таки бывало и в западно-европейских странах при крестьянских восстаниях, пока тамошние крестьяне стояли на таком же культурном уровне. И даже как раз сохранение общины, по мнению Маркса и Энгельса, было именно тем фактором, который грозил сильно затруднить всеобщее, крупное революционное движение среди крестьянства. Крестьянские общины имеют *одинаковые*, но вовсе не *общие* вследствие этого интересы; и этот кусочек аграрного коммунизма может легко оказаться изолирующим фактором, каким он оказывался обыкновенно во всех восточных деспотиях. Еще меньшего внимания, в качестве политико-революционного фактора, заслуживали русские артели. И, прежде всего, они тоже не представляли и не представляют ничего специфически-русского. Энгельс справедливо называет артель—„выросшим естественным путем, а потому еще очень неразвитым кооперативным обществом,“—появляющимся всюду, где существует для этого потребность. Так, мы видим ее в Швейцарии, в тамошних молочнях, в Англии—у рыбаков, в Германии—у землекопов. Немецкие, преимущественно шлезвигские, землекопы, которые в сороковых годах девятнадцатого века выстроили так много немецких железных дорог, были организованы, по словам Энгельса, „в настоящие артели“. И это

сказано совершенно верно. Пишущий эти строки встречал в гораздо более позднее время в Германии не мало таких естественно сложившихся товариществ между землекопами. Но они не возбуждали ни в ком интереса, так как дело шло о низко стоящих рабочих; и действительно, артель—или как бы мы там ее ни называли—есть всегда профессиональная, товарищеская группа низко стоящих рабочих. А потому артель,—предсказывал Энгельс,—если она не обнаружит дальнейшего развития, осуждена на неизбежную гибель с прогрессом крупной промышленности.

Однако, несмотря на то, что оба эти полукоммунистические учреждения, внушавшие тогда столько надежд столь многим русским социалистам, ничуть не импонировали Энгельсу, он тем не менее все же заявил свое убеждение, что Россия стоит перед революцией. Финансовые затруднения государства, противоречие между все возрастающими денежными нуждами страны и незначительною налоговой силой истощенной и невежественной массы ее населения; вопиющее несоответствие ее деспотических учреждений со взглядами просвещенных классов и, в особенности, быстро растущей буржуазии ее больших городов; постоянные колебания правительства между уступками и насильственными мерами,—все это гонит страну в сторону революции, которая и должна разразиться в недалгом времени, если только счастливая война с Австрией или Турцией или преждевременная вспышка, способная напугать зажиточные классы и бросить их в объятия правительства, не отодвинут ее наступления на более продолжительное время. Но во всяком случае, эта революция, почин которой будет положен высшими классами, а, быть может, даже самим правительством, но к которой, вероятно, скоро примкнут и крестьяне, и быстро проведут ее через первую, конституционную фазу, во всяком случае, эта революция будет иметь величайшую важность для всей Европы, так как она уничтожит „последний, еще нетронутый

резерв обще-европейской реакции“. Другими словами: хотя крестьяне, в силу своего экономического угнетения, и окажутся, по всей вероятности, в этом случае революционным фактором огромной важности, но сами они едва ли способны начать и выполнить революцию по своему собственному почину.

Это было писано в 1875 году, а двумя годами позже Маркс сам имел случай высказаться в русском журнале относительно значения русской крестьянской общины для социализма. Это было сделано им в „Отечественных Записках“ *). Там, в одной полемической статье, направленной против „Вестника Европы“, Маркс был выставлен защитником того взгляда, что социальный прогресс России неизбежно связан с предварительным упразднением крестьянской общины и свободным расцветом капитализма, — взгляда, который отстаивался русскими либералами, но на который горячо нападали почти все русские социалисты. Даже те из них, которые были свободны от обаяния романтической идеи, будто бы крестьянская община уже сама по себе означает социализм, даже они видели в общине, подобно Чернышевскому, некий могущественный рычаг, способный направить Россию по прямому пути к социализму, избавив ее от всех бедствий и уродующих население влияний, связанных с промежуточной ступенью капитализма. Так вот, в своем письме к редактору „Отечественных Записок“, Маркс выступил против попытки выставить его безусловным противником этого последнего воззрения. Он указывает на то, что в своем „Капитале“ он говорит с величайшим почтением о Чернышевском, защищавшем это воззрение,

*) Как известно, это письмо Маркса в „Отечественных Записках“ не было послано им по назначению, так как один из его русских знакомых — если не ошибаемся, М. М. Ковалевский — заверил его, что оно может быть напечатано при тогдашних цензурных условиях в России. Вот почему это произведение Маркса (написанное по-французски) появилось в русской печати лишь значительно позже.

и прибавляет, что в результате своего изучения экономического развития России он пришел к следующему выводу: „Если Россия будет продолжать неуклонно идти по тому же пути, по которому она шла с 1861 года, то она лишится самого прекрасного случая, какой когда-либо представляла история какому-либо народу для избежания всех злоключений капиталистического строя“. Указав затем на тот отдел „Капитала“, в котором говорится о „первоначальном накоплении“, как о такой фазе образования капитала, которая предшествует окончательному господству его над промышленностью и которая в большинстве случаев означает отнятие у сельского населения права собственности на землю и даже удаления его с земли; Маркс объясняет далее, как следует понимать только что приведенный вывод. Он говорит: „Если Россия стремится стать нацией капиталистической, по образцу западно-европейских наций—а в последние годы она не мало потрудились в этом направлении—ей не удастся достигнуть этой цели, не превратив сначала доброй доли своих крестьян в пролетариев, а затем, очутившись однажды на лоне капиталистического строя, она неизбежно подпадет под власть его неумолимых законов, как и все прочие грешные народы“. В применении к общине, все это звучит очень осторожно и очень условно. Столь же гипотетично или, пожалуй, даже еще гипотетичнее выражается Маркс в написанном им совместно с Энгельсом предисловии к новому переводу „Манифеста Коммунистической Партии“, вышедшему в 1882 году. Там он говорит: „Рядом с быстро развивающейся капиталистической вакханалией, рядом с появляющейся впервые буржуазной собственностью на землю, мы видим, что в России большая половина земли все еще находится в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община—эта на деле уже подвергшаяся сильному разложению форма первобытной, общей собственности на земле—перейти непосредственно в более высокую коммунистическую форму

поземельной собственности, или же она должна сначала пройти через тот же процесс разложения и уничтожения, который характеризует собою историческое развитие Западной Европы? Единственным возможным в настоящее время ответом на этот вопрос будет следующий: если русская революция послужит сигналом к рабочей революции на Западе так, что обе они будут пополнять одна другую, то тогда русская общинная собственность на землю может действительно послужить исходным пунктом будущего коммунистического развития“.

Если! Чтобы оценить вполне всю силу сомнения, лежащего в этом „если“, нужно представить себе тогдашнее положение Западной Европы. Оно было совсем неблагоприятно для рабочей революции. В Германии социал-демократия стояла под властью исключительного закона, от ударов которого она только что начала оправляться понемногу и очень медленно. Во Франции социалистическая партия только что начала слагаться заново и находилась на самых первых ступенях своего развития. В Англии показывались лишь первые слабые зачатки нового социалистического рабочего движения, между тем, как трэд-юнионы и потребительные товарищества экономически организованных рабочих находились еще вполне на стороне либеральной партии. Каким же образом, при таких обстоятельствах, русская революция, которая ясно могла быть только революцией горожанства и крестьян,—должна была вдруг, перекинувшись в Западную Европу, вызвать там победоносную пролетарскую революцию? Подобная вещь была просто немыслима. Несравненно, более вероятной представлялась тут другая перспектива которую и констатирует Энгельс в своих дополнительных комментариях 1894 года, когда он поясняет, что „упомянутое тут сильное разложение русской сельской общины сделало с тех пор очень значительные успехи“. Резче, чем где-либо, этот сотрудник Маркса напирал в этом месте на тот факт, что „нигде и никогда этот аграрный коммунизм, перешедший традиционным путем от родового

общества, не развивал сам из себя ничего иного, кроме собственного разложения и уничтожения". И когда Энгельс возобновил свое изучение первобытной истории и развития собственности, то эти исследования только укрепили его в том убеждении, что полукommунистические крестьянские общины не приносят собою новому социализму никакой помощи, представляя собой такое орудие, которое, хотя и заключает в себе некоторые, подлежащие развитию формы собственности, но совершенно неспособно ни в каком отношении повести само по себе, без могучего и глубокого влияния извне, к развитию какой-либо общественной формы, представляющей некоторый шаг вперед перед капиталистическим производством. Он обращает тут внимание читателя на тот многозначительный факт, что рабочие, трудившиеся между 1800 и 1820 гг. у Роберта Оуэна на его фабрике в Нью-Лэнарке, принадлежали в огромном большинстве своем к кельто-шотландским кланам, т. е. были людьми, выросшими среди учреждений и обычаев этих кланов, этих тоже находившихся в состоянии разложения коммунистических родовых обществ; и однако же Р. Оуэн ни одним словом не намекает на то, чтобы он натолкнулся у этих рабочих на большую понятливость или, вернее, на меньшую непонятливость по отношению к его планам разных социальных реформ, чем у других рабочих. Это указание кажется мне очень знаменательным и очень подходящим возражением против встречающейся еще иногда там и сям переоценки так называемого первобытного коммунизма, необходимыми условиями существования которого всегда являются мало развитая форма труда и недостаток культурных потребностей.

Сравнивая между собой все вышеприведенные печатные заявления Маркса и Энгельса, мы найдем, что тот скептицизм, с которым они отнеслись первоначально к мысли о социалистической потенции русской крестьянской общины, впоследствии, в их позднейших печатных трудах, по временам смягчался в известной мере, но

только для того, чтобы прорваться потом еще с большей силой. Из моих устных бесед с Энгельсом я вынес такое впечатление, хотя и не могу подтвердить его вполне определенными, подлинными выражениями, что Маркс и Энгельс сдерживали временами выражение своего скептицизма просто из уважения к идеологии русской революции. Конечно, и у них была такая сторона, которая делала им симпатичной крестьянскую общину. Но все же, при всех вышеприведенных заявлениях, на первом плане для них стояли соображения насчет революции и желание щадить по возможности убеждения ее деятелей.

Можно ли и следует ли спасти крестьянскую общину хоть в такой мере, чтобы в случае совпадения русского восстания с западно-европейским переворотом.—случай, на который Маркс и Энгельс надеялись еще в 1882 году—этот остаток общинного землевладения мог послужить исходным пунктом для дальнейшего коммунистического развития, это такой вопрос,—говорит Энгельс в заключение своего предисловия 1894 года,—на который он не берет на себя смелости ответить. Одно только можно сказать с полной уверенностью, а именно: если мы находим желательным сохранение хотя бы некоторых остатков сельской общины, то „первым условием для этого должно быть нисвержение абсолютизма, т. е. революции в России“. Мне кажется, что это заключение выведено не без внутреннего противоречия и что оно опровергается опытами новейшего времени. Но это здесь совсем не важно, так как тут у нас дело идет лишь об отношении Маркса и Энгельса к самой русской революции и ее представителям.

В продолжение тех двух десятилетий, которые протекли между первым и последним заявлениями Энгельса касательно значения общины для социализма и революции, произошли в этом отношении очень существенные перемены. До половины семидесятых годов 19 века о рабочем движении в России не могло быть и

речи. Краеугольными камнями революционного брожения были в то время радикально-оппозиционная интеллигенция и крестьянство. А это обстоятельство уже само по себе обуславливало тот факт, что как ни сильно были захвачены русские революционеры-социалисты теориями Маркса и Энгельса, тем не менее практика жизни толкала их к большому эклектизму в деле идеологического обоснования социализма; а потому различия мнений касательно приложений теорий к жизни должныствовали являться разделяющим моментом между ними и Марксом в гораздо меньшей степени, чем между Марксом и немецкими социалистами. Эти теоретические разномыслия имели тут гораздо меньшее значение еще и потому, что тяготевший над русскими политический гнет постоянно толкал их снова и снова на революционные пути; а для Маркса решающим моментом его отношений к политическим деятелям было всегда их отношение к революции.

Во второй половине семидесятых годов 19 века положение вещей в России под влиянием балканских событий, начинает, повидимому, принимать действительно революционную окраску, и Маркс следит за относящимися сюда явлениями с величайшим вниманием. Согласно со своим взглядом на положение и роль России в европейской политике, он ценил восстания балканских славян против турецкого господства исключительно с точки зрения их влияния на внешнюю мощь России в Европе. А так как ослабление Турции и усиление славянского влияния на Балканах казались ему связанными с усилением парской России, то все балканские славяне представлялись ему сознательными или бессознательными орудиями русской дипломатии, а потому не заслуживающими никакой поддержки. Поэтому, когда зимой 1876 — 77 г. Гладстон повел свою кампанию в пользу болгар, а с тем вместе и в пользу заступившейся за них России, Маркс сделал все, что было в его силах, чтобы помешать этой агитации. Его помощником в этом деле был некий солодовник Барри, который позднее —

после напрасных попыток превратить английскую рабочую партию в орудие консерваторов — закончил свою карьеру официальным наемным избирательным агентом консервативной партии. Относительно этого Барри Маркс пишет 27 сент. 1877 г. к Ф. А. Зорге следующее:

„Через него именно я поддерживал инкогнито в продолжение целых месяцев беглый огонь против русофила Гладстона в великосветской лондонской прессе, а также во многих провинциальных английских, шотландских и ирландских газетах, разоблачая его шапши с русским агентом Новиковым, с русским посольством в Лондоне и т. д. Наконец, через него же я влиял на английских парламентариев нижней и верхней палаты, которые всплеснули бы от изумления и ужаса руками, если бы узнали, что их суфлер по восточному кризису есть *никто иной, как доктор красного террора*, как они называют меня“. Несомненно, что этот солодовник Барри был очень пригоден для того дела, на которое употреблял его Маркс. Но из рассказов о нем Энгельса, а также из всего виденного и слышанного мною в других местах, я вынес впечатление, что он не раз обманывал Маркса и Энгельса, и что они вообще относились к нему с большим доверием, чем он того заслуживал. Да и в Интернационале он тоже сыграл роль сплетника и злостного переносчика вестей между враждующими сторонами.

Тот ход, которым пошел *восточный кризис* во время написания только что цитированного нами письма, наполнял сердце Маркса высочайшей радостью. „Этот кризис, — пишет он дальше в том же письме, — есть новый поворотный пункт европейской истории. Россия — положение которой я изучал по оригинальным источникам, как официальным, так и неофициальным, доставленным мне моими петербургскими друзьями и доступным лишь очень немногим, давно уже стоит на пороге переворота, все элементы которого уже готовы. Бравые турки ускорили взрыв на целые годы теми ударами, которые

они нанесли не только русской армии и русским финансам, но и самой династии. Переворот начинается по общим правилам искусства конституционной комедией и закончится с большим треском.

Если мать-природа не будет особенно сурова к нам, то мы, может быть, еще доживем до этого радостного торжества. Глупые выходки, производимые русскими студентами, представляют лишь простой симптом и не имеют сами по себе никакого значения. Но все же симптом. Все слои русского общества экономически, морально, интеллектуально—находятся в полнейшем разложении.

Революция начинается на этот раз с Востока, представлявшего до сих пор неодолимый оплот и резервную армию контр-революции“.

Какие именно поступки русских студентов называет Маркс здесь „глупыми выходками“, этого не видно из приведенных строк с достаточной ясностью. По всей вероятности, он разумеет тут демонстрации 1876/77 гг. (панихида по Чернышеву, демонстрация у Казанского собора, похороны Падлевского и пр.), причем следует заметить, что и „Вперед“ отнесся к Казанской демонстрации не совсем одобрительно. Но все же это были действительно „симптомы“. 1877 год принес с собою в феврале месяце, „процесс пятидесяти“, произведший большое впечатление на общество, а в октябре, произведший еще большее впечатление, „процесс ста девяносто трех“, а 1878 год ознаменовался выстрелом Веры Засулич⁸⁾ в генерала Трепова, открывшим новую эпоху борьбы против царского правительства и его органов. С этого времени начинается период издания революционных листков („Начало“ и „Земля и Воля“) в самой России, смелого противопоставления „красного террора“ „белому террору“ и тайных революционных исполнительных комитетов.

Как в речах обвиняемых в только что упомянутых и в других политических процессах, так и в статьях

трех тайных революционных газет, идеологическое обоснование социализма играет очень большую роль. Но язык и отношение к жизни „Земли и Воли“ становятся все революционнее, в смысле стремления к *политической* революции, к которой призываются все свободолобиво настроенные элементы, вследствие чего газета приобретает несколько буржуазно-радикальную окраску, так что издающаяся в Женеве бывшими анархистами социал-революционная газета „Община“ находит нужным возвысить против этого свой предостерегающий голос, к которому присоединяется и Петр Лавров. Вскоре после того „Земля и Воля“ уступают свое место „Народной Воле“; покушения начинают направляться против все выше и выше поставленных лиц и, в заключение, направляются на особу самого царя. 1 декабря н. с. 1879 года, в Москве, с помощью заложенной под дорогу мины, революционеры пытаются взорвать поезд, в котором должен был проехать царь, а 16 января 1880 г. в третьем номере „Народной Воли“ вместе с прокламацией исполнительного комитета по поводу московского покушения, появляется программная статья, которая выставляет непосредственной целью революции — *демократическую конституцию*. Но меньшинство бывшей партии „Земля и Воля“, не желающее ничего слышать даже о временном отступлении на задний план социалистической пропаганды и находящее поэтому программу исполнительного комитета оппортунистской, образует совместно с сотрудниками „Общины“ партию социалистов-федералистов, называемую также партией „Черного Передела“, по имени издаваемой ею газеты.

Хотя в статьях „Черного Передела“ мы то и дело натываемся на указания, свидетельствующие о влиянии их на авторов учения Маркса, тем не менее партия этой газеты не встречает вначале симпатии со стороны Маркса. Он подозревает в ней еще много остатков бакунинского духа и, кроме того, его отталкивает несомненно доктринерский тон ее тогдашних изданий. Это

можно вывести из нижеследующего, относящегося к России, места его письма к Ф. А. Зорге от 5 ноября 1880 года.

„В России, где „Капитал“ читается и ценится более, чем где-либо, наш успех еще больше. Мы имеем тут за себя, с одной стороны, критиков (по большей части молодых университетских профессоров, из которых некоторые—мои близкие знакомые, а также некоторых журналистов), а с другой—центральный комитет террористов, тайно отпечатывавший и выпустивший в Петербурге свою *программу*, которая возбудила великое бешенство между проживающими в Швейцарии русскими анархистами, издающими в Женеве „Черный Передел“, что значит буквально по-немецки „Die Schwarze Yertheilung“. Большинство этих людей (хотя и не все) покинуло Россию добровольно и в противоположность террористам, ставящим на карту собственные головы—образуют так называемую партию пропаганды. (Чтобы вести пропаганду в России, уезжают в Женеву, что за *quid pro quo*). Эти господа стоят против всякой революционно-политической деятельности. Россия должна, по их мнению, перепрыгнуть одним скачком прямо в анархическо-коммунистическо-атеистический миллениум! А пока они готовят этот скачек путем скучнейшего доктринерства, так называемые „принципы“ которого давно стали избитыми пошлостями со времени покойного Бакунина“.

Несколько позднее того, как было писано письмо, содержащее вышеприведенные строки, а именно, в начале декабря 1880 г., автор этой статьи, во время краткого пребывания своего в Лондоне, имел случай быть введенным лично в кружок Маркса. Хотя и я, в качестве женева, возбуждал некоторую подозрительность по части склонности к доктринерству, однако же, вследствие некоторых причин, не относящихся к предмету этой статьи, я был принят очень дружелюбно, так что эти дни принадлежат к самым лучшим воспоминаниям моей жизни. Фактически я был уже в то время почитателем

Маркса, но я представлял его себе в обращении с людьми гораздо резче, чем он оказался на деле со мной. Однако же, при наших беседах всегда сохранялось между нами известное „расстояние“. Совсем иначе стояло дело между Марксом и Львом Гартманом, явившимся в Лондон летом 1880 г. Я был просто поражен, видя, как этот великий мыслитель—а также и Энгельс—обращаются совсем по-братски, на ты, с молодым человеком, который произвел на меня впечатление умственной посредственности и бесцветности, смягченных известной любезностью натуры. Полтора годами позже и Энгельс писал о нем к Ф. Зорге: „Это удивительный чудак, которому нужно предоставить идти своим собственным путем“. Очевидно, что сочинители „Коммунистического манифеста“ ценили в нем не выдающийся ум и не какую-либо особую политическую даровитость; повидимому, их дружеское расположение к нему вызывалось исключительно его участием в террористическом предприятии, хотя и стремившимся к важной цели, но вовсе не требовавшим каких-либо необыкновенных свойств ума и характера. По крайней мере, таково было мое тогдашнее впечатление. Впрочем, возможно, что Гартман служил тогда посредником между Марксом и Энгельсом и проживавшими в России членами „Народной Воли“. Как высоко ценил Маркс политический терроризм, которому служили эти люди, видно уже из приведенных нами выше строк. Для читателя, достаточно посвященного в тогдашние личные отношения и в ход развития революционного движения, они дают богатый материал для размышлений.

Но не из партии „Народной Воли“, а как раз из группы „Черного Передела“ развилась специально марксистская партия русского социализма. Люди, о которых выражался так пренебрежительно Маркс, назывались: И. Аксельрод, Л. Дейч, Г. Плеханов, А. Стефанович⁹⁾. Они придавали гораздо большую важность воспитанию и организации рабочих, чем люди „Народной Воли“, и не могли особенно восхищаться тактикой „Народной Воли“,

между прочим, и потому, что эта тактика вызывала туровые полицейские меры, от которых преимущественно серпело молодое рабочее движение. Множество малоопытных еще рабочих легче попадало в руки полиции, чем террористы из буржуазной интеллигенции; а другие сами вовлекались в террористическое движение и, таким образом, терялись,—по крайней мере, на время—для систематической пропагандистской деятельности. Вследствие этого, между народовольцами и чернопеределцами установились мало по малу отношения, очень похожие на те, которые сложились в 1848 г. во Франции между бланкистами, с одной стороны, и социалистами, группировавшимися вокруг Люксембурга (Буй Блан с своими приверженцами, Кабе, Видаль, Пьер Леру и пр.) с другой. Позднейшие русские марксисты в 1879/80 г. г. еще очень походили на людей из Люксембурга. Но как в 1848 г., Маркс видел „пролетарскую партию“ Франции вовсе не в социалистах Люксембурга; как в 1871 г., во время Парижской коммуны, он стоял ближе к бланкистскому, революционному центральному комитету, чем в значительной части известнейших рабочих представителей парижского Интернационала; так точно отнесся он в 1879/81 г. к партийной борьбе русских социалистов. Какое принципиальное воззрение руководило им в этом последнем случае, может всего лучше быть выражено теми словами, которые употребил Энгельс, в предисловии к новому изданию „Коммунистического Процесса, говоря об основателях немецкого рабочего братства 1848 г., о Биске, Ворне и их товарищах“. Они позабыли, говорит он, что дело шло прежде всего о том, чтобы завоевать себе путем политической победы ту область, где только и было возможно достижение и укрепление новых, желательных им вещей, каковы: стачки, профессиональные союзы, производительные товарищества и т. п.“. Так как терроризм, освободивший внезапно такую неожиданную полноту сил, казался вполне подходящим средством для достижения политической

победы над царизмом, то меньшее теоретическое развитие его представителей не было в глазах Маркса достаточным поводом, чтобы не отдавать им преимущества перед их соперниками.

Между тем терроризм, совсем было приблизившийся к своей цели, истощил в этом напряжении свои силы. Их хватило только на то, чтобы произвести взрыв, но не хватило на то, чтобы вынудить демократическую революцию. То, что он счел своим величайшим успехом, прозвучало сигналом к его быстрому отступлению. Смерть Александра II принесла России, с точки зрения революционных движений, спокойствие кладбища. Уцелевшие революционеры получили досуг для теоретических диспутов. Группа „Черного Передела“, подкрепленная, между прочим, присоединением к ней Веры Засулич, развилась теперь в марксистскую социал-демократию. Одним из последних, если не самым последним, заявлением Маркса, имевшим в виду русского читателя, следует считать уже цитированное нами выше и написанное в 1882 г. в сотрудничестве с Энгельсом предисловие к новому изданию „Коммунистического Процесса“, при чем издателями его оказались как раз те самые русские, о которых он так пренебрежительно выражался всего четырнадцать месяцев тому назад. Они сделались горячими истолкователями и пропагандистами его участия и суровыми противниками всякой подмеси к этой доктрине иных идеологических теорий или умозрений, вследствие чего они вступили в резкую распрю с уцелевшими представителями и эпигонами „Народной Воли“, собравшимися вокруг Петра Лаврова.

Маркс не дожил до окончательного обострения этих споров, а потому мы можем только догадываться о том, какое положение он занял бы по отношению к ним. Следует допустить, что его образ действий в этом случае немногим отличался бы от поведения продолжателя его дела—Энгельса. Фридрих Энгельс радовался новому направлению, и в своих предисловиях и т. п.

давал ясно понять, что он видит в представителях этого направления законных поборников марксовского учения. В частных разговорах он юмористически сравнивал иногда Лаврова с курицею, высидевшей утят и ужасающейся на их плаванье. Однако, и в этих случаях, его слова звучали скорее об'яснением и извинением, чем насмешкою, а тем паче пренебрежением. Обыкновенно он говорил об авторе „Исторических писем“ в дружеских и почтительных выражениях. Точно также он избегал всяких оскорбительных слов касательно тех русских социалистов и революционеров, которые видели в Лаврове своего учителя и советчика. И одним из самых желательных гостей в его доме был в продолжение долгих лет Сергей Кравчинский (Степняк), который в 1876 г. принял участие в восстании балканских славян против турок, в 1877 г. участвовал в Италии в походе тамошних анархистов бакунинского толка на Беневенто, а в 1878 г. в Петербурге выполнил по поручению революционного исполнительного комитета первый террористический акт.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) *Серно-Соловьевич* Ал-р Ал-рович — брат Николая, одного из основателей общества „Великорусс“ и активнейшего деятеля „Земли и Воли“. Родился в 1838 году. Учился в Александровском лицее. Был привлечен вместе с братом по делу „Земли и Воли“, но ему в 1862 году удалось бежать за границу, где вступил в Женевскую секцию Интернационала. Был редактором журнала русского кружка сторонников Маркса в Женеве „Современность“. После он тяжело заболел и в 1869 году покончил самоубийством от невыносимых физических и душевных страданий.

2) *Анненков* Павел Васильевич — литературный критик и публицист, родился в Симбирске в доме крупного землевладельца в 1812 году. Получил образование по философскому факультету Петербургского университета. Находился под влиянием Белинского. В 1840 году отправился за границу, где свел близкое знакомство с Карлом Марксом. Известен многочисленными литературными трудами: о Пушкине, Станкевиче и др.

3) *Утин* Николай Исаакович. Родился в семье богатого откупщика. Отец, будучи сам неграмотным, тем не менее старался дать своим детям образование. Н. И. был студентом Петербургского Университета, откуда был исключен. Вскоре после этого вступил в члены общества „Земли и Воли“ и сделался в нем активным работником. Затем эмигрирует в Западную Европу, входит в русские эмигрантские круги, где сразу занимает видное положение. Сближается с Бакуниным, знакомится с Нечаевым, Жуковским и др., и входит в организованную Бакуниным секцию Интернационала. В борьбе Бакунина и Маркса в Интернационале становится на сторону последнего. Бакунин, Жуковский и др. выходят из секции, Н. И. становится редактором основанного Бакуниным журнала „Народное Дело“, разрабатывает программу и статут „русской секции“, которые отправляет на утверждение в генеральный совет. Н. И. вел энергичную борьбу против Бакунина, составил обстоятельный доклад, имевший целью дискредитировать Бакунина и добиться его исключения из Интернационала. Бакунин был исключен по постановлению Гаагского конгресса. В начале 70-х г. он, благодаря ходатайству миллионера Полякова, вернулся в Россию, бросил политическую деятельность и занимался металлургическим делом. Он умер 43-х лет в конце 80-х гг.

4) *Нечаев* Сергей Геннадиевич, родился в 1846 году. Он был сыном ремесленника и до 16 лет был совершенно неграмотным. В 1869 году, будучи учителем церковно-приходской школы, он принял участие в начавшихся тогда в Петербурге студенческих беспорядках, толкая студенческие кружки на путь революционной борьбы и политической деятельности. Неожиданно он бежал за границу, законспирировав свое исчезновение распусканием слуха о своем аресте и заключении в крепости. За границей он явился в Лондоне к Бакунину и Огареву и в Швейцарии к Герцену. Как раз к тому времени Герцен получил в свое распоряжение от молодого разочарованного аристократа Бахметева 20 тысяч франков на какое-нибудь „полезное“ дело. Узнав об этом Нечаев, всячески начал добиваться выделения части этого фонда для революционных целей. Не добившись ничего у Герцена, не влюбившего его после первой встречи, Нечаев стал, как революционер, пред'являть на них претензии для пропаганды в России, склонив в пользу этого Огарева и Бакунина. Герцен согласился и выдал Нечаеву половину капитала. Бакунин доверял Нечаеву и принял его в члены „Интернационала“. Позже, в сентябре 1871 года лондонская конференция „Интернационала“ исключила Бакунина из состава своих членов за связь с Нечаевым.

Будучи за границей, в 1869 году Нечаев написал „Народную Расправу“—воззвание, призывающее к „мужичьей революции“. В нем „Комитет Народной Расправы“ угрожает казнью не только членам 3-го отделения (охранки), но и Александру II. Вернувшись в Россию, Нечаев организовал несколько кружков в Петербурге, Ярославле и Москве. Залодозрив одного из участников кружка, студента Иванова, в колебаниях по отношению к организации „Комитет Народной Расправы“ убил его. Это убийство утроило тревогу охранки, и без того не знавшей покоя в поисках Нечаева. А тут еще распространялись списки высоко-поставленных сановников—намеченных Нечаевым жертв. Вся полиция и жандармерия были поставлены на ноги, и заговор был раскрыт. По этому заговору было создано громкое дело „нечаевцев“. В соучастии были обвинены 87 человек. Однако, сам Нечаев успел скрыться за границу, в Швейцарию. Царское правительство, на основании приписанного ему „уголовного“ убийства, студента Иванова, потребовало его выдачи. Требование было удовлетворено и его присудили к 20 годам каторжных работ. Как политического его, однако, посадили в крепость, где он в 1882 году умер.

5) *Лопатин* Герман Александрович, родился в 1845 году. В 1862 г. окончил гимназию, а в 1866 г. уже кончил университет по физико-математическому факультету в Петербурге. В это же время Лопатин сводит знакомство со многими каракозовцами. В 1867 году он уехал за границу, где ознакомился с теорией Маркса и Спенсера. Вскоре он вернулся и был арестован, а затем

выслан на Кавказ в Ставрополь. В 1869 году в связи с арестом нечаевцев, у одного из которых было найдено его письмо, его вновь арестовывают, но ему удается бежать с гауптвахты. В 1870 году он уезжает за границу в Париж, а затем в Швейцарию, где, войдя в близкие сношения с Бакуниным и с Нечаевым, делается членом одной из секции „Интернационала“, а в июне того же года переезжает в Лондон, где сближается с Марксом и Энгельсом. Тут же он начинает перевод первого тома „Капитала“ и принимает участие в заседаниях Генерального Совета „Интернационала“. Лавров пишет: „... о немногих людях Карл Маркс говорил мне и с такой теплой симпатией к человеку, и с таким уважением к силе его ума, как о Г. А. Едва-ли кто понимал так хорошо, по его словам, то, что он сделал и что он намерен был выполнить в следующих томах своего труда, как это понимал Лопатин. А знаменитый учитель социализма был в этом отношении очень требователен к людям, с которыми сближался“.

В 1872 году Лопатин предпринимает рискованное путешествие в Сибирь с целью освободить, или устроить побег Чернышевскому, находившемуся там под строжайшим надзором. Лопатин опять был арестован, но в 1873 году бежал в Швейцарию, через Петербург. Заграницей Лопатин не примыкает ни к одному из кружков, сотрудничает в органе Лаврова „Вперед“. Он приезжал в Англию, где подолгу гостил в семье Маркса и у Энгельса. Во время одной из поездок в Россию, выданный шпионом, он был в 1879 году арестован и пробыл в ссылке и в заключении 4 года, бежав из Вологды за границу. В 1884 году он приехал в Петербург. Проведенные им в заключении 4 года были периодом героической борьбы „Народной Воли“ против царизма и общественной реакции. Прибыв в Россию, Лопатин примкнул к „Народной Воле“ и работал в качестве члена Исполнительного Комитета. Вскоре, однако, он был арестован и был по „процессу 21-го“ приговорен к смертной казни, замененной ему пожизненным заключением. 18 лет просидел он в Шлиссельбургской крепости и только революция 1905 года его освободила. Умер Лопатин 26 декабря 1918 года.

6) Даниельсон Николай.—Известный деятель народничества. Литературный деятель и экономист, известный под псевдонимом Николай—Он. Друг Н. К. Михайловского. Состоял в переписке с Марксом и Энгельсом. Переводчик „Капитала“. Сотрудник и член редакции „Русского Богатства“.

7) Ткачев Петр Никитич—кандидат прав петербургского университета, выпустил в 1869 г. воззвание „К Обществу!“ от имени студентов Медицинской Академии, Университета, Технологического Института и Земледельческой Академии с требованием академической свободы и прекращения полицейской опеки над студентами. Не смотря на отсутствие уличающих доказательств,

Ткачев был арестован, просидел два с половиной года, после чего был привлечен по Нечаевскому делу и приговорен к году и 4 месяцам заключения. В 1873 году Ткачев был административно выслан под надзор полиции в Псковскую губернию, но при содействии своего друга бежал за границу, где стал во главе группы, так называемых русских „якобинцев“ и редактором газеты этой группы „Набат“. „Набатовцы“ или „ткачевцы“, как их еще называли, относились отрицательно к „хождению в народ“ и отвергали народнический принцип „освобождения народа посредством народа“. Так как паризм не представлял в России ничьих интересов, то свергнуть его, по мнению Ткачева, было бы очень легко. „Какой-нибудь тысячи, а то и того меньше, революционеров, организованных в тесно сплоченное, централизованное, тайное общество, совершенно достаточно для ниспровержения правительства и захвата революционерами власти“. „Набат“ выходил под редакцией Ткачева в 1875—76 г.г. В нем велась резкая полемика против Лаврова и Бакунина и вообще против народничества. Ткачев умер в Париже в 1885 г.

8) *Засулич* Вера Ивановна—вначале член о-ва „Земля и Воля“. В 1878 году стреляла в петроградского градоначальника Трепова. Судом присяжных она была оправдана. После суда исчезла и скрылась за границу. Там она вместе с Плехановым, Дейчем, Аксельродом организует „Группу Освобождения Труда“, примыкая в дальнейшем развитии Р. С.-Д. Р. П. к ее правой половине. Сотрудничает в журнале „Заря“—заграничн. органе социал-демократов—и в „Искре“. Во время войны примыкает к социал-оборонцам, участвуя в патриотическом сборнике „Самозащита“ вместе с Потресовым, Масловым и др. В. И. умерла в 1919 г.

9) *Стефанович* Яков Васильевич—один из активнейших народников—революционеров 70-х годов. В 1877 году пытался поднять крестьянское восстание в Чигиринском уезде Киевской губ., с каковой целью он распространял среди крестьян великолепно подделанную царскую грамоту, разрешающую крестьянам тайные общества для вооруженного сопротивления дворянам, препятствующим крестьянам добыть землю и волю. По этому делу было привлечено в 1878 г., до 900 чел., а спустя некоторое время и Дейчем удалось бежать из Киевской тюрьмы за границу. В 1881 году Стефанович вернулся в Москву, где вел переговоры с Львом Тихомировым о слиянии „Черного Передела“ с „Народной Волей“, но в феврале 1882 года опять был арестован, и по процессу 17-ти приговорен в 1883 году к 8 годам каторги. В 1920 году обнаружено в делах департамента полиции, что Стефанович, находясь в тюрьме, имел связи с Плеве.

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Маркс и Бакунин	8
Маркс и Народовольцы	38
Примечания	70

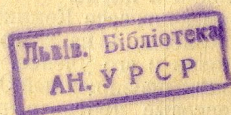
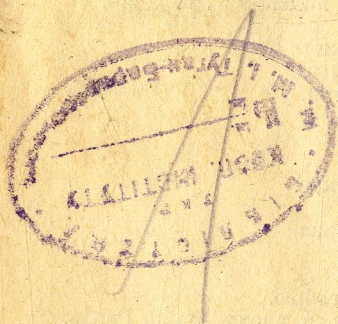
СПИСОК

Книг изданных Харьковским издательством Пролетарий.

- К. Маркс—Капитал, том I.
К. Каутский—Классовые интересы.
К. Левин—Декабристы.
Окунев Як.—Общедоступная политэкономия.
Окунев Як.—Происхождение богов.
Окунев Як.—Смена вех в церкви.
Бухарин—От крушения царизма до падения буржуазии.
Де Фоз—Робинзон Крузе.
Мамин Сибиряк—Аленушкины сказки
Письма Розы Люксембург из тюрьмы.
Воробьев—Краткий курс Политграмоты.
Кунов—Изложение 4-го тома Капитала.
Н. Н.—О пролетарской этике.
Синклер—Король Уголь.
Степняк Кравчинский—Андрей Кожухов.
Энгельс—От утопии к науке.
Доклады на 4-ом конгрессе Коминтерна.
Ежемесячник. Календарь на 23 год.
Тимирязев—Дарвин и его учение.
Пять лет, сборник посвященный Октябрю.
Каутский—Классовые противоречия в эпоху Фран. Революции.
Эрнст Дран—Фридрих Энгельс.
Стрельбицкий—Администратор.
Панов—Происхождение мира и человека.
Сборник из истории нашей партии.
Эд. Бернштейн—Карл Маркс и русские революционеры.

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ.

- 2-й том капитала К. Маркса.
К. Каутский—Революция и контр-революция в Германии.
Каутский—Аграрный вопрос.
Р. Люксембург—Реформы или революция.
-

РЛ

6639

РЛ

2 руб 19 коп (1987)

59

БЕРНШТЕЙН

КАРЛ МАРКС И РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

Издательство «ПРОЛЕТАРИЙ».
Харьков, Дворец Труда, кв. № 108.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОЛЕТАРИЙ»